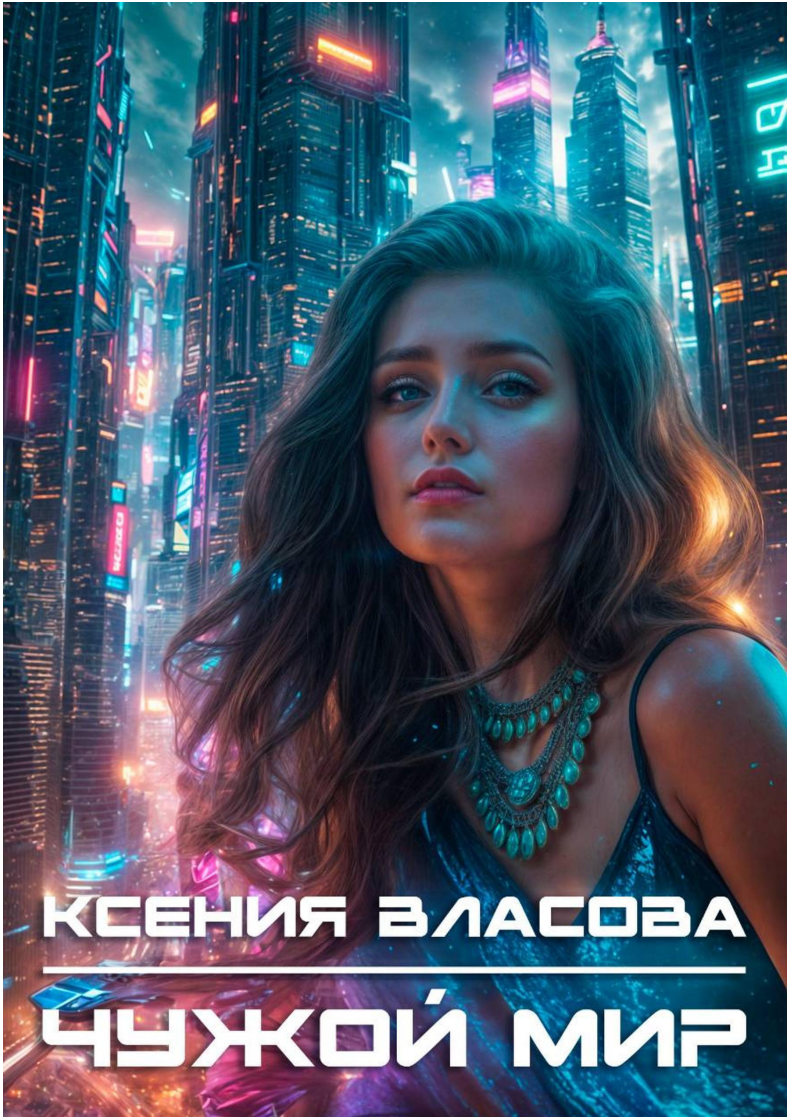

КСЕНИЯ ВЛАСОВА
ЧУЖОЙ МИР

Ксения Власова
Чужой мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73239888
SelfPub; 2026

Аннотация

У вас есть старший брат? Он раздражающе умен, чертовски хитер и ко всему прочему еще и политик? Нет? Вам повезло больше, чем мне!

Братец втянул меня в авантюру, и я не представляю, как из нее выпутаться. Мне пришлось лететь на неизвестную планету и играть роль эксцентричной писательницы. И все ради надежды обрести в чужой расе союзников.

Вы влюблялись с первого взгляда? Не доводилось? Вот и мне нет, пока я не повстречала на съемочной площадке фильма того, кто навсегда изменил мою жизнь. Все началось с одной-единственной встречи, которая поставила все с ног на голову… Писательница, сестра мятежника, и актер, сын предателя. Странная парочка, правда?

Зато теперь чуждый, такой пугающий новый мир больше не кажется опасным. Вот только есть ли у меня шанс стать в нем своей?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	60
Глава 3	85
Глава 4	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Ксения Власова
Чужой мир

Глава 1

«В этом мире мало что зависит от нас. Я часто слышу: все в твоих руках, прояви настойчивостьи получишь желаемое.

Пустое бахвальство.

Мир не вертится вокруг конкретного человека. Мы находимся в непрерывном взаимодействии друг с другом, и зачастую успех зависит не от нас самих, что было бы логично, а от тех людей, которые даже не входят в наш круг общения. Случайные знакомые, мимолетные попутчики, чужаки, ураганом врывающиеся в нашу жизнь и смерчем покидающие ее, – именно они чаще всего оказываются на посылках у Судьбы, подтаскивая той кусочки паззла – будущей картины нашего успеха или поражения».

– Прости, что так долго. –Лиди поставила передо мной поднос с заказом, и я оторвалась от наладонника, на котором печатала все это время. Подруга плюхнулась на соседний стул. – Предупреждаю: кофе ужасен. Старый поставщик отказался с нами работать, а новый задрал цены до потолка. Теперь приходится покупать плохонький товар за те же деньги.

Я улыбнулась и придвинула к себе огромную пузатую кружку с дымящимся напитком.Рассеянно сделала глоток (мыслями я все еще была нездесь) и поперхнулась – кофе явственно горчил на языке жженными зернами.

– А я говорила… – мрачно протянула подруга и устало откинула с высокого лба каштановую челку. – Надеюсь, это временно.

– Конечно, – кивнула я и, отодвинув кружку с кофе,потянулась к сэндвичу.

– Угу, если санкции снова не продлят.

Мы обе замолчали, понимая, что продолжать бессмысленно. С тех пор, как ввели санкции, разговоры о них заводили постоянно, и эти бесконечные пересуды успели порядком поднадоесть. Правительство то делало послабление, то затягивало удавку потуже – всеуже привыкли к дискриминации, она не вызывала протеста: только какую-то животную усталость и желание продержаться еще немного. До лучших времен. Единственная проблема – никто не знал, когда они наступят.

Я задумчиво надкусила сэндвич (на вкус он оказался на порядок лучше кофе), слизнулас губ кисло-сладкого соуси вновь уткнулась в наладонник. На этот раз пальцы не набирали текст, а, наоборот, удаляли. Можно было очистить экран одной кнопкой, но я предпочла удалять вручную, наблюдая за тем, какбуква за буквой медленно исчезали слова.

Вот так. Мои героини не должны наводить уныние на чи-

тателя. Непростые времена требуют одного – надежды.

– О чем в этот раз пишешь? – Лиди заинтересованно заглянула через плечо, но я быстро погасила экран.

– Ты же знаешь, я не даю читать, пока не допишу до конца.

– Знаю, – разочарованно протянула та. – Просто думала, что для меня сделаешь исключение.

Лиди обиженно тряхнула челкой, и я снова улыбнулась. В такие моменты она напоминала мне пони – миленькая, крепенькая, с задорным нравом, Лиди редко дулась, но если это все же случалось, то в ее позе всегда было столько обаяния, что злиться в ответ было решительно невозможно.

Карие глаза с чуть загнутыми ресничками, грива каштановых волос с непослушной челкой, которую Лиди вечно сдувала со лба – нет, подружка и правда напоминала очаровательного пони. Если я правильно помню, как они выглядят… Все-таки семнадцать лет прошло с того момента, как ягладила последнего.

– Сделаю, – мягко согласилась я, и, дождавшись, когда подруга окинет меня победнымвзглядом, добавила: – Но в другой раз.

Лиди одобрительно хмыкнула – ей нравились люди, не поддающиеся на манипуляции, и перескочила на другую тему.

– А что редактор сказал насчет твоей книги?

Я чуть не поперхнулась кофе: невовремя сделала глоток. Нет, Лиди тоже умела показывать зубки. Знала, что насту-

пила на больную мозоль!

– Я зайду к нему после обеда. Пока не было времени.

– Поня-я-ятно, – протянула та и быстро выпалила, словно ударила наотмашь. – Они никогда не опубликуют книгу землянки. Ты же знаешь.

Знаю, но какое-то глупое упрямство, свойственное всей нашей семье, толкало меня вновь и вновь подавать заявку на публикацию. Я уже сбилась со счета, сколько раз атаковала электронный адрес редактора своими рассказами, сказками, повестями, романами. Я давно перестала систематизировать свои работы – понимала, что отказы, скорее всего,носят политические причины, а потому работу над ошибками можно провести лишь условно. В хаотичном беспорядке я чередовала свои работы, настойчиво подсовывая различные жанры и стили, благо любила эксперименты в творчестве. Три раза я подходила к редактору лично – все-таки я работала в издательском доме и видела своего начальника каждый день, но ни одна моя попытка не увенчалась успехом. Впрочем, Данишевские, если уж закусили удила, то шли до конца. Победного.

«Или чужого конца. Смерть врага если не означает твою победу, то немного утешает в поражении», – как говорил мой брат.

Вспомнив жесткую улыбку Алекса, всегда сопровождающую эти слова, я вздрогнула: по спине отчетливо пробежали мурашки. Пришлось покрепче обхватить горячую кружку с

кофе – захотелось избавиться от холодка если не в душе, то хотя бы в теле.

– Майя, ты здесь? – Лиди защелкала пальцами перед моим лицом. – Снова связь с космосом словила?

Я очнулась и быстро моргнула.

– Прости, задумалась.

– Да ладно… Вам, творческим личностям, оно простительно. – Лиди отмахнулась, а затем замялась. – Ты же не обиделась на то, что я сказала?

– Нет, конечно, нет!

– Просто… Знаешь, я не хочу, чтобы после очередного отказа ты неделю ходила, как в воду опущенная.

– Я вовсе не… – но поспорить мне не дали.

– Что вообще эти эрийцы понимают в литературе? У них же отвратительно грубый язык!

– Он просто лаконичный, – по привычкепоправила я. – В алфавите всего пятнадцать символов, но их комбинации…

– Избавь меня от лекции по лингвистике! – гневно фыркнула Лиди. На ее лице читалось отвращение к предмету дискуссии. – И не оправдывай тех, кто уничтожает наше наследие. Ты знаешь, что всеобщим запретили пользоваться на улицах?

До недавнего времени никто не покушался на родной язык землян, но, видимо, даже серая полоса осталась в прошлом, и началась новая эра, окрашенная в еще более мрачные тона, чем предыдущая. Я спрятала руки под стол, сло-

жив их на коленях. Сейчас начну теребить браслет на правом запястье, а этого делать не стоит. Сестра Алекса Данишевского не может показывать свое смятение окружающим. Даже если эти окружающие – близкие друзья, которых она знает уже лет десять.

– Я в курсе, – по возможности спокойно ответила я. – Приказ проходил через издательский дом.

Лиди какое-то время сверлила меня взглядом, словно ожидая какой-то другой реакции, затем вздохнула и отвернулась. И в этом жесте мне почудилось разочарование.

Я сглотнула. Тяжело быть пятном позора в безупречном роду Данишевских.

«Пацифистка от рождения», – кажется, именно так отозвался Алекс обо мне в одной из наших бесед. Вряд ли это было комплиментом.

– Нам запретили пользоваться нашим языком, так что едва ли твою книгу опубликуют. Даже если ты напишешь ее на эрийском и возьмешь псевдоним. – Лиди вновь повернулась. В глазах уже не было горечи, только смирение – то, что я видела каждый день вокруг себя.

Это еще хуже.

– Я же Данишевская. Я не могу прекратить пытаться. – Фраза почему-то прозвучала неоптимистично, а почти трагично. Не умею я шутить по поводу собственной фамилии.

Но Лиди неожиданно улыбнулась, словно услышала нечто забавное, и уже открыла рот, чтобы что-то добавить, но я ее

опередила. Не хотелось вступать в диалог касательно своей наследственности. Сыта этим по горло.

– Сегодня так тихо, – я демонстративно покрутила головой. В зале и правда было почти безлюдно. Пара мужчин торопливо доедала свой обед; Софи неодобрительно поглядывала на них поверх очков – мама Лиди не любила, когда ее стряпне не отдавали должное.

– Десять дней до зарплаты, – передернула плечами подруга. – Людям не на что даже чашку кофе купить.

Собственныйзаказ встал поперек горла. Чувство вины опалило щеки и уши. Далеко не всем землянам повезло с работой так, как мне. Впрочем, разве это моя заслуга? Алекс, как всегда, дело в нем…

Лиди не заметила моего приступа самоунижения или сделала вид, что не заметила. Кажется, в ее голове бродили другие мысли.

– В любом случае, пока так тихо, можно решить кое-какие проблемы. Отец поехал разговаривать с новым поставщиком, а мама – кивок в сторону Софи – пересчитывает наше меню. Надо каким-то образом снизить цены, иначе к нам просто перестанут заходить посетители. Ты же знаешь, у наших со всеми этими санкциями деньги испаряются, как роса в жаркое утро.

Под «нашими» Лиди подразумевала землян, наших соотечественников. Впрочем, а кого еще? Не эрийцев же. Те никогда не заходили в заведения землян– брезговали, видимо.

Земляне тоже никогда не заглядывали к эрийцам, но дело тут было в другом – цены кусались. Уровень доходовпервых и вторых был несопоставим.

Я вздохнула. Вот так всегда. Даже в мыслях я называю эрийцев – эрийцами, а своих соотечественников – землянами. Я редко думаю такими категориями как «свои», «чужие», «мы» и «они». Может быть, в этом все дело? Поэтому я словно неприкаянная в этом мире?

Я покосилась в сторону Софи. Уткнувшись в экран старенького нетбука, видимо, привезенного еще с Земли, она задумчиво тарабанила пальцами по столешнице. Грива такихже роскошных, как и у дочери, волос, правда, ярко-рыжего цвета, была забрана в аккуратный пучок на макушке и оставляла открытым лоб, на котором пролегла глубокая складка – Софи хмурилась. Она резким движением сняла с носа очки и, видимо, хотела отбросить их, но в последний момент передумала. Вместо этого она лишь устало потерла переносицу. Я поспешила отвести взгляд: быть непрошеным свидетелем чужой слабости мне казалось неприличным.

Я всегда уважала семью Лиди за упорство и смелость (чтобы вести дела с эрийцами, одного упорства было бы мало), но, похоже, даже у них заканчивалось терпение.

– Перемен требуют наши сердца, – пробормотала я полузабытую строчку из старой песни.

– Что?

– Да так, мысли вслух, – проговорила я и, посмотрев на

часы, загромыхала стулом – скрип ножек по чисто вымытому кафелю заставил меня поморщиться. – Спасибо за кофе, я побежала. До завтра!

Я чмокнула Лиди в щечку, помахала рукой Софии заспешила к выходу, нервно накручивая длинный ремешок сумочки на запястье – опаздывать не хотелось, а время уже поджимало. Со мной вечно так. Я никогда не просыпала, но вот заболтаться, задуматься, увлечься чем-то и забыть, где находишься – это было в моем стиле.

Хорошо еще, что работа находилась в паре минут от кафетерия Лиди.

– Беги, но не упади с таких огромных каблуков!

Привычное напутствие не вызвало даже улыбки. Хорошо ей шутить! У нее-то рост метр семьдесят три. Не то чтобы слишком большой, но, во всяком случае, он позволяет не чувствовать себя козявкой рядом с двухметровыми эрийцами.

Мне с моим метром шестьдесятоб этом оставалось лишь мечтать.

На улице былопривычно пасмурно. Я подняла воротник пальто, хотя дождя не было. На грязно-сером небе среди многочисленных туч холодно поблескивали два светила – бледно-оранжевое и тускло-желтое.

Я тут же вспомнила, что забыла с утра принять таблетки, и чертыхнулась.

Толку от наличия у планеты сразу двух звезд было чуть:

света они давали мало. Мне, как и всем землянам, приходилось принимать мультивитаминные комплексы, без них появлялась острая нехватка витамина D и сопутствующая ей депрессия. Интересно, а ведь идея бесплатной раздачи лекарств принадлежала эрийцам, то есть поначалу о санкциях никто и не думал. Когда же начались притеснения и явная дискриминация землян?

Задумавшись, я ловко перепрыгнула через лужу, и, балансируя на тонкихкаблуках, чуть не упала на эрийца. Тот развернулся и хотелбылосказать в мой адрес что-то нелестное, но я быстро пролепеталаизвинения и юркнула за угол. Угнаться за мной было невозможно – яв совершенстве освоила искусство бега на каблуках.

Уже зайдя в здание, вспомнила о серой руке с длинными тонкими пальцами и невольно задалась вопросом: если мы проживем на этой планете еще одно поколение, будет ли у наших детей такая же серая кожа? Впрочем, что за глупость! Расовые особенности индивида нельзя путать с приобретенными. Вот если бы произошло смешение генов…

Возможно, будь перспектива общего потомства реальной, я бы рано или поздноузнала ответ на этот вопрос, но гены землян и эрийцев оказались несовместимы друг с другом.

«Так же, как и их владельцы», – хмыкнула я и постаралась как можно незаметнее проскользнуть в кабинет корректоров. Это мне удалось, и, усаживаясь на свое рабочее место, я с облегчением выдохнула: успела!

Раздавшийся сигнал внутренней связи заставил меня подпрыгнуть. Я поспешно активировала окно на панели рабочего стола своего компьютера.

– Дани… – я терпеливо переждала бульканье, обозначающее у эрийцев звук «ш». В памяти всплыла недавняя пародияЛидина эрийцев, неспособных в силу строения речевого аппарата воспроизводить шипящие, и я с трудом подавила улыбку: лицо редактора на экране не располагало к шуткам. – …ая, – с трудом закончил начальник. – Зайдите ко мне.

Экран мигнул и погас. В душе так же мигнул на мгновение свет, и воцарилась темнота. Я не обладала экстрасенсорными способностями, но и без них могла сказать, что мне не стоило ждать ничего хорошего.

Я медленно встала, по возможности незаметно вытерла вспотевшие ладошки о собственный пиджак и направилась в кабинет к редактору.

– Садитесь, – приказным тоном распорядился он, как только я перешагнула порог его святилища.

Назвать эти владения иначе у меня не поворачивался язык: везде, куда падал взор, были развешены награды и фотографии моего начальника с известными людьми. Все это напоминало алтарь самому себе. Кажется, вон в том углу висит награда за лучший костюм на карнавале в начальной школе. Впрочем, отсюда слишком плохо видно, не могу говорить наверняка.

Я молча опустилась в кресло для посетителей и сложила руки на колени. Пальцы слегка подрагивали, так что пришлось сжать их в кулачки.

– Я ознакомился с файлами, присланными вами. Со всеми десятью, – недовольно добавил он. Начальник говорил подчеркнуто нейтрально, опуская обращение по фамилии, что можно было трактовать как проявление неуважения или даже скрытой агрессии, но я уже давно не обращала на такие мелочи внимания. – К сожалению, ни одна из работ не может соответствовать понятию «эрийской литературы». Это обычный ширпотреб, не более. Издательский дом отклоняет вашу заявку.

Сердце ухнуло куда-то в колени, а затем поднялось и застряло где-то в горле: еще ни разу мне не отказывали так жестко.

– Возможно, если Вы поясните, что именно не устроило Вас в работах, то переделка позволит исправить ситуацию, – я тоже опустила обращение по фамилии, предписанное по законам этикета. Сделала это осознанно, и, судя по дернувшейся щеке собеседника, мой маневр не остался незамеченным.

Не знаю, зачем это сделала. Видимо, вскипела горячая кровь Данишевских.

– Ваши работы, даже переписанные заново, не могут претендовать на высокое звание эрийской литературы. Уж вы, с вашей-то фамилией, должны это понимать.

Эта ремарка настолько выбила меня из колеи, что несколько мгновений я тупо смотрела на побледневшее (хотя куда уж больше бледнеть!) от гнева лицо начальника и совершенно не к месту размышляла, почему при относительной внешней схожести эрийцы и земляне имеют столько внутренних противоречий? Ведь сидит же передо мной классический представитель эрийской расы – двухметровый мужчина с серой тонкой кожей, изящным, даже хрупким строением тела с удлиненными, по сравнению с параметрами землян, руками и ногами. Да, у него немного иное, чем у меня строение ушных раковин, а волосяной покров отсутствует в принципе (включая и ресницы на глазах), но ведь в остальном он не так уж отличается от землянина. Почему же с ним невозможно договориться? Неужели враждебность идет еще на генном уровне из-за несовместимости ДНК?

– Я понимаю, – слова даются с трудом, но на ноги встаю я достаточно уверенно. – Но если вдруг я напишу что-то достойное…

– Не трудитесь. Вы можете принести пользу обществу на ниве корректуры. У вас идеальный эрийский, будто вы родились на нашей планете.

– Благодарю.

– Не стоит. Знание языка не делает вас обладателем тех сокровищ, которые он хранит. Я про культурное наследие. Вы же понимаете? Что вы, землянка, можете предложить нашей высокоразвитой расе? Ничего.

Я мысленно насчитала три оскорбления в этой короткой речи, после чего перестала ее анализировать. У меня была задача поважнее – не разреветься и не вспылить. Я даже не знала, чего мне в данный момент хотелосьбольше.

– Я могу идти?

– Конечно. И впредь не беспокойте меня по пустякам. Вы хорошо работаете, но на ваше место много претендентов. Не позволяйте себе отвлекаться.

Все-таки вспылить хочется больше. Пришлось больно укусить себя за язык, чтобы промолчать, а затем, кивнув на прощание, покинуть кабинет начальника.

– На вашем месте я бы подумал о том, чтобы сменить фамилию, – эти слова нагнали меня уже в коридоре, и у меня возникло чувство, что сделано это было специально: чтобы невольные зрители, если таковые найдутся, услышали, как ловко их начальник ставит на место зарвавшуюся землянку.

Я проигнорировала столь многозначительное напутствие, но перед глазами поплыл белесый туман. Медленно переставляя ноги, доковыляла до своего рабочего места и буквально упала на стул. Открыла первый попавшийся документ и уткнулась в него, не видя абсолютно ничего.

Впервые мне настолько открыто отказали, ссылаясь на мою расовую принадлежность. Впервые мне завуалированно угрожали. Впервые намекнули, что от моей фамилии сплошные беды.

Мне надо было подумать.

«Алекс, что же ты затеял на этот раз?!»

***

Остаток рабочего дня прошел спокойно. Я настолько увлеклась корректурой рассказов двух совершенно бесталанных, но неимоверно популярных сейчас авторов, что забыла о времени. Даже мысли о брате удалось выкинуть из головы. Наверное, я действительно люблю свою работу.

В метро, как всегда, было людно и шумно, но мне по счастливой случайности удалось шмыгнуть на освободившееся сидячее место – в небольшом росте есть и свои преимущества. Во всяком случае, поднырнув под высокого эрийца, я опередила того в погоне за желанным местом.

Устроившись поудобнее и проигнорировав недовольного соперника, коршуном нависшего надо мной, я уткнулась в наладонник. Желания творить не было совершенно (хотя частенько я печатала в метро, еслидвохновение настигало в дороге), поэтому я открыла новостную строку.

С детства мне внушалось, что знание – сила. В моей семье был целый ритуал, когда за утренним кофе просматривались все доступные новости. Отец тщательно анализировалразные источники, где одно и то же событие преподносили под разным соусом.

Я была еще мелкая, поэтому со мной новости не обсуждали, но вот Алекса отец нередко звал к себе в кабинет и экзаменовал на предмет того, сколько же тот сумел понять, собирая разрозненные кусочки паззла.

Иногда отец одобрительно хмыкал, но чаще я, прижавшая ухо к двери папиного кабинета, слышала совсем иное:

– Алекс, ты разочаровываешь меня. Как ты мог позволить манипулировать своим сознанием? Посмотри, если сравнить информацию здесь и здесь, становится очевидно…

Что именно становилось очевидным, я редко дослушивала. Это было уже неинтересно. Почему-то для меня имело значение только победа брата в этом словесном поединке и, если такого не происходило, я, разочарованная, уходила к себе.

Все-таки хорошо, что Алекс старше меня на десять лет. Уверена, я бы не ответила ни на один вопрос отца. В каком-то смысле даже лучше, что он так рано покинул нас.

Я вздохнула. Мне никогда не хватало собранности, чтобы изучать новости за завтраком (да и завтрака у меня как такого не было, вместо этого я вечно как бешеная носилась по квартире в попыткесобраться поскорее), но читать новости по вечерам или перед сном вошло у меня в привычку. Возможно, это была дань уважения памяти отца.

Первый же новостной сайт выдал мне огромную пафосную статью, посвященную семнадцатой годовщине со дня спасения землян от ужасной смерти.

«В тот момент, когда раса Земли погибала, достигнув своего техногенного кризиса…»

«Ядерная катастрофа, спровоцированная землянами по собственной недальновидности»

«Непоправимый экологический ущерб»

«Взрыв, превративший обитаемую планету в безжизненную пустыню»

«Эрийцы, благородно предоставившие кров нескольким тысячам спасенных землян»

«Эскадрилья эрийцев, взявшая себе на борт беженцев…»

И прочее бла-бла. Каждый год одно и то же. Хоть бы обновили штампы.

Я заскользила пальцами по экрану, пролистывая бесполезную пропаганду и выискивая действительно важные новости. И нашла.

Правда, пришлось воткнуть наушники и включить видео. Текстовой информации на этот счет почему-то не было.

Эриец на чистом эрийском, настолько чистом, что даже я едва успевала анализировать его речь, лишенную характерной растянутости звуков, говорил о найденных на севере залежах полезных ископаемых, которые считались полностью использованными пару десятилетий назад. Он с излишним пафосом перечислял те преимущества, что подарит эта находка его соотечественникам, а заодно, между делом, упомянул, что тела эрийцев не могут выдержать столь аномально низких температур. Роботы, к сожалению, тоже оказались непригодны к этой работе: слишком несовершенны, а потому почетная миссия по эксплуатации новеньких шахт возложена на землян. Рабочие группы будут сформированы в ближайшее время. Естественно, всем добровольцам прави-

тельство снизит количество санкций и…

Дальше я не слушала. Рывком выдернула наушники и резко выключила наладонник.

Первой, о ком я подумала, была Лиди. Ее парень, Макс, наверняка попадет в разряд «добровольцев». Физически развитый, не имеющий проблем со здоровьем и законом, он попадет в первую же волну. Конечно, возможно, правительство пойдет менее агрессивным путем и будет добиваться своего экономическим давлением: исчезнут все вакансии, прокатится волна сокращений, люди останутся без работы. А ведь налог на тунеядство никто не отменял: если ты не работаешь, плати штраф. Если не в силах это сделать – добро пожаловать в тюрьму. Ну а оттуда уже в колонию, поближе к залежам ископаемых, чтобы обществу польза была от твоей персоны.

Я закрыла глаза. Прав был Алекс, когда говорил, что введение подобного налога – это последний гвоздь в крышку гроба землян.

«Теперь у тебя не будет даже иллюзии права выбора. Ты будешь соглашаться на любую работу».

Я тогда испугалась, но предпочла об этом не думать. Как и большинство. Возможно, стоило воспротивиться уже тогда?

Шагая по темным улицам, я думала о Максе, о Лиди и не знала, как им помочь. К беспокойству примешивалась еще и борьба с маленьким отвратительным червячком – с чувством облегчения. У меня-то парня нет, мне не придется прово-

жать его на север и бояться, что он не вернется, ведь, если бы там было безопасно, эрийцы и сами бы занялись разработкой.

У меня же только Алекс. Ну, этот исам сможет за себя постоять.

Последнюю фразу я чуть не произнесла вслух, когда, после долгой возни с ключами, оказалась в маленькой прихожей собственной квартиры.

Прихожая вела в зал, который был и спальней одновременно, поэтому незваного гостя я увидела сразу: в полутьме, озаряемой лишь светом раскрытого нетбука и парой ночников в углах, на стареньком кресле уютно расположился Алекс и, скрестив стройные ноги в лодыжках, копался в уже упомянутом нетбуке.

МОЕМ нетбуке.

– Добрый вечер, Майя, – спокойно откликнулся этот негодяй. – Ты опаздываешь. – Он бросил демонстративный взгляд на наручные часы. – На пятнадцать минут.

– В городе пробки, – мрачно буркнула я, скидывая верхнюю одежду и переобуваясь в домашние тапочки.

– Ты на метро, – педантично поправил тот.

– Ты кто, чертов Мерлин?! – Наверное, день выдался слишком тяжелым. Обычно я не позволяю так быстро вывести себя на эмоции. Впрочем, это же Алекс…

– Мерлин? – заинтересованно переспросил братец и даже оторвался от экрана нетбука. – Тот, что из легенды про ко-

роля Артура?

– Тот, что из мультика «Меч в камне», – мрачно отрезала я и выдернула из рук брата свое сокровище, весьма пафосно захлопнув при этом крышкуустройства. – Тебе не говорили, что копаться в чужих вещах неприлично?

– Я помню эту лекцию. Кажется, она шла сразу после «веди себя хорошо, иначе попадешь в ад». Я счел ее нецелесообразной.

Я злобно посмотрела на Алекса, восседающего с ленивой грацией принца, и промолчала. В такие моменты мне безумно хотелось позаимствовать у него волос и сдать на анализ ДНК, чтобы проверить наши родственные связи. Снова. Предыдущих двух иногда мне мало.

– Впрочем, ты зря злишься, Майя. Нетбук лежал открытым. Если ты хотела сохранить что-то в тайне, не стоило оставлять его без пароля, да еще и на спящем режиме.

Я чертыхнулась сквозь зубы. Действительно, с утра я убегала в такой спешке, что забыла выключить нетбук, на котором работала полночи– писала рассказ для субботней встречи нашего литературного кружка. Хорошо, что утром мне не пришла в голову идея погладить пиджак – спалила бы весь дом.

– Ладно, ты прав. – Мне всегда было легче уступить Алексу, чем спорить с ним. Сложно спорить с тем, у кого айкью превышает твой собственный показатель сразу на пару десятков пунктов. – Кофе будешь?

– Конечно, – мягко улыбнулся брат, давая понять, что конфронтация подошла к концу и мою строптивость простили.

– А его нет, – мстительно откликнулась я, но, тем не менее, отправилась на кухню. – Я ждала тебя только через неделю.

Алекс навещал меня раз в месяц, и к его приходу я всегда покупала хороший кофе. В обычные же дни предпочитала более бюджетный вариант – черный чай. Зеленый по стоимости равнялся кофе, и меня душила жаба приобретать его за эту цену.

– Посмотри на верхней полке шкафчика, – невозмутимо донеслось из комнаты.

Распахнула дверцы, зависла на пару секунд, потаращилась на банку элитного кофе, а затем молча достала ее.

– Мог бы просто оставить на столе.

– Во всем должен быть порядок, – равнодушно заметил Алекс, появляясь в дверях кухни с нетбуком в руках. Видимо, снова взял его, когда я вышла из комнаты. – К тому же иначе это бы выглядело как подарок. А я не делаю подношений.

Я пожала плечами. Часто я не успевала за логикой Алекса, поэтому просто принимала как неизбежное зло большинство его привычек.

Вода закипела мгновенно, и я бросила втурку пару ложек-перемолотых в порошок зерен из банки, пожадничав и за-

хватив даже больше, чем нужно. Почти сразу по маленькой кухне поплыл божественный аромат свежесваренного кофе.

– Так интересно? – Я кивнула на все еще открытый нетбук.

– Неплохо, – сдержанно похвалил тот. – Интрига имеется.

Я удивленно приподняла бровь.

– Раньше ты не отзывался столь тепло о моих работах.

– Раньше я их не читал.

– Это многое объясняет. – Несмотря на смущение, мне было приятно, что Алекс прочитал хотя бы один мой рассказ. Его мнение было важно для меня.

Я никогда не обижалась на то, что он не интересуется моим творчеством. Как вообще можно предъявлять такие претензии Алексу Данишевскому – главе земного совета, представителю оппозиции в составе парламента эрийцев? Хорошо, что у него есть время навещать младшую сестру и спать хотя бы четыре часа в сутки.

Я искоса посмотрела на брата: залегшие тени под ярко-синими глазами говорили о том, что он снова пренебрегает ночным сном. И дневным заодно. И вообще снова испытывает себя на прочность.

Сердце сжалось – я переживала за Алекса. Несмотря на все наши разногласия, он был моей семьей. Он был тем, кто заботился обо мне: квартира, пусть небольшая, в не самом престижном районе, но своя – немыслимая вещь для одинокой землянки; работа – та, что приносила мне деньги и чув-

ство удовлетворения. По сравнению со многими я была хорошо устроена. Насколько это возможно в моей ситуации.

Алекс был не просто братом для меня, он… Наверное, легче рассказать с самого начала.

Мне было десять, когда в результате техногенной катастрофы большая часть землян погибла, и лишь нескольким тысячам удалось спастись. Тогда на помощь пришли эрийцы – союзники, недавно обнаруженные в космосе. Они предоставили убежище выжившимна то время, которое понадобится планете на восстановление ресурсов. То есть на очень-очень долгий срок.

Я мало что помнила из детства. В памяти не осталось паники, ужаса или отчаяния. Только огромный желтый взрыв, пронесшийся по планете – так выглядела катастрофа в окне иллюминатора космического корабля. Мой отец, известный политик, позаботился о том, чтобы спасли всю свою семью – и маму, и брата, и меня. Я не знаю, страшно ли мне было, наверное, да, но в воспоминаниях навсегда отпечаталось мертвенно-бледное лицо мамы и стеклянный взгляд Алекса. По его щекам тогда катились слезы, но вряд ли он понимал это. Больше я ни разу не видела брата плачущим.

По прилету на новую родину отец развел бурную деятельность. Конечно, вся его энергия была направлена на политику. Он уходил рано утром, приходил поздно вечером и постоянно что-то говорил о совете землян и общем парламенте. Но я так и не успела разобраться в его идеях – он умер,

когда мне было одиннадцать.

Мама стойко перенесла случившееся несчастье, но и ее несгибаемость оказалась лишь маской.

В тринадцать лет я осталась фактически сиротой – у мамы случился срыв, последствия которого оказались непоправимы. Вот уже четырнадцать лет она лежит в палате реанимации между жизнью и смертью. Каждый год мы с Алексом подписываем петицию о продлениисистем жизнеобеспечения. Этот год станет последним. В случае если мама так и не придет в себя, врачи отключат аппараты.

При мысли об этом мне почти не больно. Я уже давно похоронила ее. Еще тогда, в тринадцать лет.

У меня остался только Алекс.

Наверное, ему было страшно получить на руки младшую сестру. В двадцать три года такие вещи пугают. Да даже в двадцать семь, в моем возрасте, такая ответственность заставляет испуганно сжиматься сердце, что уж говорить про брата. Но если он и боялся, то ни слова не сказал об этом.

Я училась в пансионе закрытого типа, вместе с эрийцами – немыслимое дело для землянки. Брат забирал меня лишь на выходные и тогда уделял мне столько внимания, сколько мог.

Он подолгу разговаривал со мной, ведя пространные беседы о политике, подсовывал книги по психологии и затем со сдержанным интересом узнавал, как много я подчерпнула из них. Он проверял мои домашние задания с пугающим рве-

нием, и зачастую его беспощадная оценка моих способностей заставляла обиженно глотать слезы. Его холодные слова, привычка держаться отстраненно и нежелание высказывать одобрение моим действиям ранили сильнее, чем чьи-то чужие хлесткие комментария, и вскоре я отрастила толстую шкурку, позволившую относится к любой критике весьма флегматично. Я никогда не спорила с братом – сначала попросту не находила в себе сил для отпора, а потом поняла, сколько всего на него свалилось и не хотела стать еще одним его разочарованием.

Он упорно работал, до полной потери рассудка, до состояния, когда приходил и падал на кровать (я сама это видела). Я смутно понимала, чем он занимался, знала только, что продолжает дело отца. Этого было достаточно.

Я уважала, любила брата до беспамятства и в то же время боялась –знала, мне никогда не стать такой, как он. Уже тогда я догадывалась, к чему это приведет – к разрыву наших отношений. Эта мысль причиняла мне боль. Я старалась. Ох, как же я старалась соответствовать!

В институте, куда поступила тоже благодаря влиянию брата, я изучала те дисциплины, которые выбирал он. У меня была явная склонность к языкам, поэтому я выбрала специальность лингвиста. Конечно, с подачи Алекса. Сама я боялась и шаг сделать в сторону без его согласия.

Я не спорила, когда после окончания учебы он пристроил меня работать в межрасовый центр сотрудничества, но

сбежала оттуда уже через полгода.Я просто не могла и дальше шпионить, юлить, участвовать в интригах и ворочаться в клубке змей, называемом политикой.

Тогда Алекс не поверил, что я могу отказаться от места в его команде. Он даже не сразу прибег к манипуляциям, уверенный, что одной его просьбы будет достаточно.

Несмотря на все его ухищрения, я так и не вернулась в центр. Напрасно братец взывал к чувству долга, к памяти предков, к ответственности, которую накладывает фамилия Данишевских…

Впервые в жизни я проявила упорство и отстояла право на жизнь. На свою собственную жизнь, какой бы бессмысленной она ни казалась.

Пожалуй, это единственный поступок, которым я горжусь. И, как мне иногда кажется, единственный, вызывающий пусть капельку, пусть совсем немного, но уважения у Алекса. Забавно, да?

Задумавшись, я упустила момент, когда кофе вскипел пенкой и ринулся на плиту. Торопливо сняла турку с огня и под неодобрительным взглядом брата разлила кофе по кружкам. Достала сахар и демонстративно положила себе два кубика. Алекс понимающе поднял уголок губ, но на провокацию не поддался – он никогда не подслащивал напитки. Эстет.

– Как мама?

Я ждала этого вопроса, но все равно вздрогнула. Поспеш-

но пригубила из кружки, обожглась и, поморщившись, ответила:

– Все так же. Не приходит в себя. Я поменяла в вазах цветы и повесила в палате новые шторы – старые выглядели непрезентабельно.

Алекс кивнул. Я уверена, он осведомлен о состоянииамы не хуже моего, но не подает вида. Такие расспросы стали нашим ритуалом – способом напомнить, что я тоже часть семьи Данишевских. Только я никогда не знала, кому Алекс таким образом освежает память: себе или мне?

– У отца истерлась табличка на надгробном камне. Хорошо бы поменять.

– Пришли мне счет, – тут же предложил Алекс. – Я оплачу.

В этот раз кивнула уже я, потому что если на цветы и шторы я могу найти деньги, тона новую табличку буду копить пару-тройку месяцев. Металл снова подорожал.

– Ты слышал новость об открытииместорождения на Севере?

Обычно я избегаю всяких разговоров о политике, во всяком случае, с Алексом, но в этот раз не удержалась: слишком сильно я беспокоилась о Лиди.

Мне думалось, братец улыбнется своей жесткой улыбкой и заверит, что у него все под контролем, возможно, выскажет два-три варианта развития событий, но вместо этого он кивнул и кратко откликнулся:

– Да, я в курсе.

Я подождала еще немного, но Алекс задумчиво пил кофе и не намеревался продолжать разговор. Вот тут я уже занервничала по-настоящему.

– И что ты думаешь предпринять? Ты же будешь что-то делать?

– Откуда вдруг такой интерес к «грязной закулисной игре»? – Алекс по памяти процитировал мое определение политическим интригам и криво усмехнулся.– Ты и без меня понимаешь, что происходит.

Так, не теребить браслет, не теребить!

– Это начало конца, Майя, – он произнес это спокойно, даже обыденно, как будто делился прогнозом погоды на завтра.

Я не заметила, как вего руках появилась монетка, обычная железная монетка, привезенная с Земли и оставленная в качестве памятной вещички. Она не стоила абсолютно ничего, но Алекс бережно хранил ее. Я предполагала, что для него этот маленький кусочек металла нечто вроде талисмана. Зачем на самом деле ему эта монетка, я не могла сказать – никогда не спрашивала.

Алекс крутанул монету, и она завертелась на месте. На мелькающем серебристом ребре можно было увидеть выбитую дату выпуска – две тысячи сорок пятый, год техногенной катастрофы на Земле.

– Когда что-то запускают, Майя, остается всегодва вари-

анта: либо оно остановится само, выполнив свою задачу, либо его остановят. – Алекс резко накрыл монетку ладонью, и та замерла, застыв между его пальцами.

– Интересная лекция по движению физических тел в пространстве, – осторожно заметила я, с опаской поглядывая на Алекса. Братец к чему-то вел и, судя по долгому предисловию, мне точно не понравится то, что он задумал.

– Тебе нужно уехать.

Вот так просто. Я исподлобья посмотрела на Алекса, тот встретил мой наверняка настороженный взгляд совершенно невозмутимо. Монетки в его руке уже не было – спрятал во внутренний карман пиджака.

– Далеко?

– Достаточно, на Цинф. Язык не забыла?

– Подожди-подожди! – Я потрясенно затрясла головой. – У эрийцев с цинфийцами давняя вражда, холодная война в любой момент может перетечь в полноценное противостояние!

– Верно, – спокойно подтвердил Алекс. – У эрийцев с цинфийцами действительно не самые теплые отношение. Но какое тебе, землянке, до этого дело? Или ты снова забыла, к какой расе принадлежишь?

Я сглотнула и вцепилась в столешницу. В голосе Алекса не было ни намека на угрозу, казалось, он действительно просто напоминал мне очевидное, но почему же стало так страшно? Чертов братец с его не менее чертовой харизмой! Ино-

гда мне кажется, что он с легкостью поведет за собой толпу в любую нужную ему сторону. Было что-то по-настоящему завораживающее то ли в его несгибаемом, почти деспотичном характере, то ли в ярко-синих глазах, в которых отражался не только ум, но и жесткая хватка.

Глаза, кстати, у нас были одинакового оттенка. От мамы достались. Пожалуй, на этом сходство между намии заканчивалось.

Я снова искоса посмотрела на брата. Крепкий, невысокий (на полторы головы все же выше меня), он каким-то образом внушал опасениедаже тогда, когда улыбался. Улыбка у него была замечательная! Но и она вызывала ассоциации с хищником – не львом, не тигром, а скорее… с коршуном. Тонкие черты лица не могли сгладить это впечатление, наоборот, они казались излишне заостренными, а потому лишь подчеркивали едва уловимое сходство. Темно-русый оттенок волос, словно финальный мазок, завершал его образ.

Я молчала, скользя взглядом по лицу брата. Голова раскалывалась от хоровода бешено кружащихся мыслей.

– Тебе не идет этот хвост, – неожиданно ляпнула я. Тонкая, куцая косичка спускалась с затылка до середины правого плеча Алекса и заканчивалась традиционным узлом из трех разноцветных резинок – цветов всеобщего флага землян.

Такую же прическу носил мой отец, но ему она шла. Алекс же с ней смотрелся слишком вычурно. Надо же, только сей-

час заметила!

– Я знаю, – пожал плечами он. – Сбрею, когда придет время. Теперь ты готова к разговору?

Алекс подался вперед и положил локти на стол, я же откинулась на спинку стула и скрестила руки на груди.

– Зачем мне лететь на Цинф? Там опасно.

– Не больше, чем здесь, – поморщилсяАлекс. – Все твои знания о цинфийцах, пропущены через фильтр пропаганды-эрийцев. Пояснить, что это значит?

Я покачала головой.

– Зачем? – Мой вопрос можно было трактовать двояко, и я уточнила: – Зачем я тебе на Цинфе?

– Мы подошли к финишной прямой, Майя. Сейчас все завертелось с такой скоростью…– перед моими глазами вновь возникла монетка, запущенная в бессмысленный танец чьей-то рукой. Мне даже почудились блики на столеот серебристой поверхности этого металлического кругляшка и я моргнула, приходя в себя.

– Прости, что ты сказал?

Алекс посмотрел на меня так, будто я заставила его признаться в чем-то противозаконном, но покладисто повторил.

– У меня нет больных мозолей и ахиллесовых пят, на которые можно было бы надавить. У меня одна слабость–ты, Майя.

Теплая волна, похожая на южный ветерок, пронеслась по телу и осела легким покалыванием в немного подрагиваю-

щих пальцах. Я положила ладони на колени и сжала их в кулаки. Не хотела, чтобы Алекс заметил моего волнения.

Я в первый раз отлично все расслышала, но хотелось убедиться, что слух не подвел меня. А еще я с трудом подавила глупое, детское желание сбегать в комнату за диктофоном и попросить братца повторить свое признание. Чувствую, в следующий раз нечто проникновенное он скажет лишьна моих похоронах, а потому жаль упускать момент.

Вместо всего этого я кивнула:

– Продолжай.

– Я не могу допустить, чтобы тебя использовали как рычаг давления на меня. Тебе нужно скрыться.

– В городе легко затеряться.

– Нет, тебя найдут. На Цинфе будет безопаснее.

Я помолчала, обдумывая вопрос.

– Цинфийцы… Они…Ты считаешь их союзниками?

– Я еще не решил. – Алекс покосился на наручные часы. – Майя, формулируй свои мысли быстрее, у меня осталось десять минут.

Я злобно фыркнула. Десять минут на то, чтобы я могла определиться: жить мне, убегая словно крыса, или умереть героем, воспетым в национальных песнях. Ладно хоть право выбора предоставляет. Мог бы просто запихнуть на корабль и отправить посылкой на Цинф.

Постойте-ка…

Я замерла, ошарашенная догадкой. Затем сощурилась и с

подозрением уточнила:

– Это все?

– Не понял.

– Мой побег на Цинф – лишь часть плана, верно?

– Наконец-то ты начала задавать верные вопросы, – удовлетворенно и даже с каким-то облегчением, словно сомневался, что до этого дойдет, откликнулся братец. – Если все пойдет, как я задумал, мы добьемся гораздо большего, чем надеемся, но и в случае пессимистичного прогноза мы выполним задачу-минимум – обеспечим твою безопасность. Эрийцы не достанут тебя на Цинфе.

– Какова же задача-максимум?

Алекс улыбнулся.

– Издать твою книгу.

Если бы я не обвила в этот момент ножки стула ступнями, то точно бы сползла под стол.

– Алекс! Издеваешься?!

– Пять минут… – со вздохом прокомментировал брат, снова покосившись на циферблат наручных часов. Вид при этом имел самый несчастный – с таким учитель начальных классов в двадцатый раз повторяет нерадивому ученику, что дважды два четыре. –Нет, вовсе не издеваюсь. Если я смеюсь над собеседником, то делаю это более изощренно.

– Если ты не объяснишь все человеческим языком, я тебя ударю, – на полном серьезе пообещала я. Терпение было на исходе.

– Лучший способ что-то спрятать – выставитьна всеобщее обозрение. Если будешь на виду, никто не посмеет на тебя покуситься.

– Отлично. При чем здесь моя книга?

– На Цинфе одной из самых востребованных отраслей считается масс-медиа. Проще говоря, в развлекательный блоквкладываются огромные деньги. Сериалы, фильмы, книги, игры – все это пользуется бешеной популярностью, каждая новинка получают свою долю внимания. Тебе достаточно вызвать интерес, а затем напоминать о своей персоне. А что может интриговать сильнее, чем книга писательницы-землянки, прилетевшей на планету с дружеским визитом? Ах да, книгу надо будет перевести на цинфийский. Ты язык помнишь?

– Я учила его в институте! – мрачно напомнила я. – Естественно, большую часть уже забыла.

– Значит, освежишь в памяти, – распорядился Алекс. Он положил на стол флешку и придвинул ко мне указательным пальцем. – Здесь информация о планете. Не могу сказать, что сведения секретные, но после просмотра лучше бы их удалить. Только извлеки языковую программу.

– Не идиотка, догадалась бы.

– Мало ли… – пожал плечами Алекс и, проигнорировав мое гневное сопение, продолжил: – Твоя задача – удержать на себе вниманиецинфийцев и по возможности создать у них в голове благоприятный образ землян. Детали прописаны в

инструкции.– Он кивнул на флешку. – Вопросы?

– Э-э-э….

– Я так и думал. Тогда встретимся через неделю, когда ты вспомнишь язык и ознакомишься с учебным материалом, – с этими словами Алекс легко поднялся, уже стоя сделал последний глоток давно остывшего кофе и шагнул к выходу.

– Я еще не соглашалась!

– Хорошо.

– Мне надо подумать!

– Буду иметь в виду.

Алекс стоял на пороге квартиры и тянулся к дверной ручке, а я запаниковала по-настоящему.

– Я не смогу перевести книгу на цинфийский за неделю!

– Майя, – все-таки терпение покинуло братца, и он закатил глаза. – Естественно, одна ты это сделать не успеешь. Над переводом поработает моя группа. И не беспокойся, я уже выбрал книгу.

– Какую? – пискнула я.

– «Снег в июле». Она мне понравилось больше остальных.

– Но когда ты успел, – Алекс сухо чмокнул меня в щеку и вышел за дверь. Заканчивала фразу я уже в одиночестве, – ознакомиться с моими книгами?

Минуту я таращилась на опустевшую прихожую, словно в полусне. Затем на автомате щелкнула замками и проковыляла в комнату, где рухнула на незастеленную с утра постель. Если бы у меня было домашнее животное, я бы заговорила

с ним, но питомца я так и не завела.

– Все страньше и страньше, – пробормотала я и коснулась ладонью скользящей поверхности нетбука. Она была теплой – нагрелась за время работы. Не кошка, но все же…–Как же нам с тобой поступить?

Поглаживая крышку нетбука, я думала о предложении брата. Конечно, это больше походило на приказ, но мне не впервой было поступать по-своему. Конечно, я хотела бы, чтобы мою книгу прочло как можно больше людей – земляне, эрийцы, цинфийцы, не важно. Но я четко понимала одно: книга – лишь ширма для куда более серьезных вещей. Я стану куклой, которую будут теребить за веревочки. Готова ли я к этому?

Я спустила ноги с кровати и медленно подошла к большому зеркалу в прихожей. Склонив голову набок, я задумчиво посмотрела на свое отражение.

Невысокая, стройная, но не до худобы, изящная, как говорила раньше мама.

Мама.

От нее мне достались синие глаза, такие же, как у брата, и русые волосы, которые я все собиралась остричь до плеч, согласно местной моде, но все время откладывала – казалось, что мама бы не одобрила. А вот черты лица папины: широкие дуги бровей, красиво очерченные скулы,правильной формы нос и немного тонковатые губы.

Я прислонилась горячим лбом к прохладной зеркальной

поверхности. Я – Данишевская. Их плоть и кровь. Так похожая на них внешне, неужели я могу отличаться внутренне?

– Я – слабость Алекса.

Сказанная вслух, эта фраза больше не казалось приятной, наоборот, она горчила на языке, как прокисшие сливки. Я не хотела быть его слабостью.

Закрыв глаза, я снова взвесила все «за» и «против». Да, я боялась оказаться разменной монетой в политической игре брата, но еще больше я страшилась навредить ему. Я любила Алекса гораздо больше, чем он мог себе представить.

– Никто не сможет манипулировать моим братом.

Я бы хотела стать силой, опорой Алекса, но знала: это мне не по плечу. Достаточно того, что я просто перестану отрицать очевидное: я – Данишевская, и никуда от этого не деться.

***

На следующее утро первым делом я позвонила на работу и сказалась больной. Мне холодно напомнили, что, согласно последнему декрету о санкциях, отсутствие сотрудника на рабочем месте более трех дней по любой причине (уважительной и не очень) влечет за собой увольнение. Я вежливо поблагодарила за предупреждение и заверила, что склерозом не страдаю.

Что ж, в издательский дом мне уже не вернуться при любом раскладе. Ладно, не будем оглядываться на сожженные мосты – вспыхнувшее зарево может ослепить и деморализо-

вать, а на рефлексию сейчас совершенно нет времени.

Я сделала кофе, на секунду склонилась над любимой кружкой с едва заметной щербинкой на боку, и, блаженно прикрыв глаза, полной грудью вдохнула крепкий густой аромат бодрящего напитка. Кофе – это первая ступенькана лестнице, ведущей к счастью, и если он не в силах примирить вас с действительностью, ничто не сможет. Размышляя подобным образом и все еще держа в одной руке кружку, другой я открыла кухонный шкафчик и нащупала завалявшуюся пачку с солеными крекерами. Довольно хмыкнулаи вытащила печенье наружу.В день, когда я переборю лень и приготовлю полноценный завтрак,на город обрушится, как минимум, торнадо, ведьмировая гармония – штука тонкая, любая мелочь может ее нарушить. Возможно, именно так Дороти и улетела в страну Оз – из-за вовремянепогашенного приступа хозяйственности у какой-нибудь ленивой девицы с высоким творческим потенциалом и низкой социальной ответственностью.

Похрустывая крекерами, я вернулась в комнату и удобно устроилась в кресле: поджала ноги и положила нетбук на колени. Открыла крышку, потянулась к лежащему рядом пледу и не глядя нажала на кнопку «пуск». Экран мигнул, запустилась программа приветствия. Флешка Алекса уже чернела в гнезде разъема. Я быстро щелкнула мышкой, выискивая нужную папку, а затем углубилась в чтение.

Файл представлял собой сборную солянку из разрознен-

ных сведений касательно разных областей жизни цинфийцев. Имелась и краткая справка о самой планете, которую я быстро пробежала глазами, освежая в памяти подзабытую за ненадобностью информацию.

«Цинф вращается вокруг желтого карлика HR 772883 – звезды, по своим характеристикам схожейс Солнцем. Данная звездная система находитсяна расстоянии почти пятидесяти миллионов световых лет от Земли, в спиральном рукаве Щита-Кентавра галактики Млечный путь, и долгое время считалась необитаемой.

Климатические условия планеты схожи с Земными и подходят для жизни человека: атмосфера полностью пригодна для дыхания, более половины суши занято водой. Цинф вращается против часовой стрелки. Полный оборотпланеты вокруг своей оси составляет двадцать восемь часов. Периодичность вращений вокруг звезды –триста восемьдесят дней, равных цинфийскому году, в котором местные жители выделяют пять сезонов.

Флора и фауна достаточно разнообразны. Среди них встречаются опасные для человека виды, но таковых с каждым годом становится все меньше. Технический прогресс позволилместным жителям освоитьранее непригодные для жизни территории.

В настоящий момент численность цинфийцев постоянно растет, и вслучае сохранения тенденцииможно будет говорить о перенаселении планеты и недостатке природных ре-

сурсов.

Раса цинфийцев относится к разумным гуманоидам. Параметры тела соответствуют параметрам человека. ДНК цинфийца и человека практически тождественны. Высока вероятность совместимости и появления общего потомства».

Я оторвалась от экрана и задумчиво куснула губу. Не помню, чтобы на вводных лекциях по культурологии Цинфа нам говорили о чем-то подобном. Конечно, такая информация больше относится к биологии и медицине, а с этой точки зрения Цинф мы вообще не рассматривали. Да и преподавал нам не коренной житель планеты – носитель языка, а эриец, который не поощрял проявление любопытства. Как-то я попросила побольше рассказать о местном укладе жизни – и получила выволочку и контрольный тест вне плана. Тогда меня это озадачило, но я все списала на дурной нрав преподавателя. Сейчас же подумала, что, возможно, дело не только в нем.

Я нахмурилась, отмахнулась от какой-то зудящей в голове мысли-догадки, которая пока только формировалась, и щелкнула по ссылке, открывая изображение.

С фотографии на меня смотрелтипичный цинфиец. Признаться, он мало чем отличался от землянина. Разве что лицо имело немного заостренную форму с ярко очерченными скулами. Крупные острые уши вызывалилегкую улыбку и навевали ассоциации с литературной трилогией Толкиена – ка-

жется, тот в своем творчествеуделял много внимания этому мифологическому народу с симпатичным дефектом ушной раковины.

Я защелкала мышкой, извлекая все новые фотографии цинфейцев. Смуглые, кареглазые и темноволосые, они определенно имели с землянами больше общего, чем эрийцы. Я задумчиво сделала глоток и даже не поморщилась, когда холодная жидкость липко прокатилась по горлу и оставила неприятный осадок – хужеостывшего кофе может быть только неправильно приготовленный.

Закрыв вкладку с изображениями, я вновь вернулась к тексту. Краткая справка подошла к концу, и теперь на меня посыпались разрозненные сведения, с ужасающей небрежностью надёрганные из разных источников, как морковка с чужих грядок, и систематизированные лишь частично.

«С каждым годом численностьнаселения продолжает расти, что приводит к многочисленным проблемам. С этого отчетного периодавведены штрафы на наличие в семьях более одного ребенка, что породило лишь новое недовольство среди взбудораженной общественности.

Все растущая конкуренция за рабочее место приводит к социальной напряженности, которая непременно выльется в организованный конфликт, еслиправительство не предпримет существенных шагов по решению давно наболевших проблем».

Хм. Похоже на статью, возможно, даже цинфийскую. Ин-

тересно… А здесь у нас что?

Я вновь заскользила взглядом по экрану.

«Безработица, влекущая за собой финансовые проблемы, вынуждает цинфийцев ютиться в общежитиях, предоставляемых правительством. В подобных местах можно бесплатно получить крышу над головой и минимальный набор продуктов, а также, в случае необходимости, медицинскую помощь. Общежития представляют собой многоэтажные дома с просторными комнатами, заставленными кроватями. На этаже всегда в наличии ванная комната и столовая.

Подобный минимализм развивает дух коллективизма и взаимной ответственности. Возможно, именно поэтому у цинфийцев такая активная гражданская позиция. Избирательским правом пользуется каждый совершеннолетний гражданин, явка населения на выборы всегда составляет сто процентов. Это позволяет делать выводы…»

Я не дочитала. Текст напоминал выдержку из чьей-то исследовательской диссертации – любопытно, но слишком субъективно. Ладно, поищем еще что-нибудь.

О, кажется, я нашла точку зрения эрийца. Ну-ка…

«Суровые варварские законы не делают чести этой расе. По своей природе склонные к жестокости, цинфийцы проявляют ее и в правосудии. Проблема безработицы должна была породить всплеск преступности, но этого не случилось. Любое существенное преступление: убийство, кража, изнасилование – не важно, карается мгновенной смертью. Все-

го несколько десятилетий назадподобная кара распространялась не только на преступника, но и на всю его семью – жену, детей, родителей. В настоящее время физическая расправа совершается лишь непосредственно над преступником, но члены его семьи подвергаются гонениям: супруг(а)получает административный штраф, сумма которого столь огромна, что выплатить его зачастую возможно лишь через несколько лет при удачном стечении обстоятельств; детям закрывается ряд возможностей, в том числе и в плане выбора профессий. Согласно закону, они не могут стать врачами, юристами, политиками и военными. Подобную звериную жестокость мы можем наблюдать во многих отраслях жизни цинфийцев…»

Я сглотнула. На ум пришло что-то про кару до седьмого колена. Действительно звериная жестокость… Кажется, с фразой о том, что сын за отца не ответчик, цинфийцы не знакомы.

После прочитанного на душе стало как-то беспокойно. Я встала с кресла и бездумно направилась на кухню. Немного постояла возле буфета, то открывая, то закрывая дверцы шкафчиков. Затем спохватилась, недовольно цокнула языком от бессмысленности своих действий и присела за стол, чинно сложив руки на коленях. Не прошло и минуты, как я подскочила и подошла к окну. Браслет на правом запястье жалобно позвякивал – я вновь нещадно теребила его, даже не замечая этого.

Облокотившись на подоконник и подперев ладошками

подбородок, я какое-то время молча обозревала наш двор. Обычный день в неблагополучном спальном районе. Пара смельчаков гуляет с детьми, а вон та пожилая женщина что-то кричит. Я перевела взгляд чуть левее и заметила два бегущих со всех ног силуэта с женской сумочкой в руках. Навстречу ворам шли люди, но никто даже не помыслил вмешаться в происходящее.

Надо запомнить эту картину. Едва ли она возможна на Цинфе.

Я тут же задалась вопросом о том, публичные ли у них казни, но решила подумать об этом позже.

Я не могла не признать, что немного напугана, но не хотела делать поспешных выводов. Нет ничего хуже чужих умозаключений, принятых на веру.

Немного успокоенная, я вернулась в комнату и вновь уткнулась внетбук. Кажется, снова выдержка из диссертации.

«Цинфийцы нашли весьма любопытный способ снятия социальной напряженности. На улицах были поставлены огромные экраны, день и ночь транслирующие фильмы и сериалы. Спектр развлекательных программ так обширен, что может удовлетворить любой вкус. Возле каждого экрана собирается своя компания местных жителей, которая путем голосования решает, что именно будет смотреть.

Развитие индустрии масс-медиа обеспечило жителей новыми рабочими местами (режиссерами, сценаристами, акте-

рами, съемочным персоналом) и частично разрядило ситуацию.

Интересно, что даже в вопросе выбора развлекательной программы цинфийцы демонстрируют активную гражданскую позицию. Проявляя живой интерес к жизни актеров и других публичных людей, они готовы на поразительную преданность кумиру, которая мгновенно испаряется, если объект восхищения совершает ошибку. Любой скандал, пятно на репутации можетпревратить любовь в презрение, и тогда карьере бывшего любимца приходит конец. Все проекты с ним подвергаются полному игнорированию. Изгою практически невозможно вернуть былую популярность.

Как мы видим, даже в этом вопросе четко проявляется редкое у других рас единство».

Я вздохнула. С каждым прочитанным словом я все больше понимала, что Алекс поставил передо мной крайне сложную задачку. Я не была уверена, что решу ее, поэтому иррационально злилась на цинфийцев. Чем сильнее я боялась провалить задание, тем большее раздражение у меня вызывали так называемые новые союзники землян.

– Варвары, просто варвары… – тихо пробормотала я, а потом решительно щелкнула по ярлыку языковой программы. Паниковать буду потом. На Цинфе.

Придется вспомнить цинфийский. Варвары они или нет, но язык у них, помнится, весьма любопытный.

***

Я недовольно косилась на экран, силясь понять, как всего одна ошибка в символе смогла безобидно-позитивное восклицание: «Какой прекрасный сегодня день!» превратить в уныло-плаксивую жалобу: «Моя любимая цапля сдохла», когда оглушительныйстук в дверь заставил раздраженно оторваться от языковой программы.

– Данишевская! Майя Данишевская!! Живая или мертвая, ты сейчас же откроешь мне дверь!

Я растерянно моргнула. Это голос Лиди или мне кажется?

– Данишевская!!!

Вряд ли это извращенная фантазия перетрудившегося мозга. До разъяренной Лиди в амплуа воинственной амазонки он бы не додумался.

Судя по ударам, подруга намеревалась снести с петель и без того не особо прочную дверь. Не то чтобы я была к ней нежно привязана (к двери, имеется в виду), но лишать свой дом хотя бы видимости защиты мне не хотелось, а потому я лихорадочно вскочила с постели. Уже на бегу окинула комнату быстрым взглядом и впервые за пять дней увидела ее без белесой пленки скачущих символов перед глазами. Покраснев, я торопливо стряхнула с незастеленной кровати крошки от крекеров и накинула сверху плед. Затем покосилась на дивизию немытых кружек из-под кофе, которая обвиняюще выстроилась на полу, и мысленно махнула рукой. Как говорил Алекс, если не успела спрятать труп, сделай вид, что он сгнил задолго до твоего появления.

– Иду! – крикнула я и, щелкнув замками, распахнула входную дверь. Та с готовностью заскрипела, словно давно ждала повода и теперь с удовольствием ябедничала на противного хулигана. Вернее, хулиганку.

– Слава Богу, живая! – с облегчением выдохнула Лиди и, перешагнув порог, сжала меня в объятиях.

– В новостях передали соболезнования родным по поводумоей внезапной кончины? – удивленно поинтересовалась я и махнула рукой в сторону кухни. – Пойдем, я чем-нибудь тебя угощу.

Память с вежливостью, смахивающей на издевку, напомнила, что после почти недельной добровольной изоляции угостить я могу разве что водой из-под крана.

– Ты хотьчитала то сообщение, что отправила мне пять дней назад?

– А что с ним не так? – не поняла я, заглядывая в пустой буфет. На полке сиротливо стояла ополовиненная банка с кофе.

Подумалось, что на дверцах шкафчика вполне гармонично смотрелась бы надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Хмыкнув, я на автомате принялась переводить ее на цинфийский. Уткнувшись взглядом в пространство, я не сразу услышала обвиняющие нотки в голосе Лиди.

– «Некоторое время не смогу появляться в кафе. Не волнуйся. Дам о себе знать, как только появится такая возможность. Целую, Майя». Ты знаешь, что это ужасно напомина-

ет прощальное письмо?

– Да, попахивает мелодрамой, – вынужденно согласилась я, мысленно дописывая последний символ. Затем тряхнула головой, возвращаясь к реальности, и привычно потянулась за туркой.

– Извини, неважно получилось. Хочешь, перепишу? –почти без иронии уточнила я. Работа корректора накладывала свой отпечаток.

Лиди посмотрела на меня с осуждением, выворачивающим душу наизнанку (она умела одной мимикой передавать столько эмоций, что актерам немого кино пришлось бы бороться с приступом острой зависти). Я тут же виновато замолчала и смущенноотвела взгляд. Смущенно еще и потому, что в карих глазах подруги отчетливо можно было различить нецензурные символы и восклицательные знаки.

Все, совсем заработалась. Надо делать перерыв…

Я с удвоенным рвением заколдовала над плитой, выставляя огонь нужной температуры и помешиваяв турке воду со специями.

– Ладно, главное, что ты жива и относительно здорова, – вздохнула она.

– Почему относительно? – неосмотрительно поинтересовалась я, отвлекаясь от священного процесса превращения воды в кофе.

– Потому что проблемы с головой в счет не идут, – мстительно припечатала Лиди и, кажется, окончательно успоко-

илась. – Я тебе мамины пирожки принесла. Она сказала, что даже если ты мертва, я обязана положить их на надгробие – помянуть, так сказать.

– О, гостинцы от Софи! – радостно воскликнула я, проигнорировав ту часть разговора, где говорилось о смерти. Живот заурчал в предвкушении, словно поддерживая мое воодушевление.

Пару минут спустя я выставила на стол кружки с кофе и пузатую сахарницу, которую гостеприимно придвинула поближе кподруге, а затем выложила пирожки на тарелку и тут же утащила один. Лишь надкусив теплое тесто и распробовав начинку, я задумчиво спросила, обращаясь больше к себе, чем к Лиди:

– Наверное, разговоры про пирожки на надгробии должны были полностью отбить у меня аппетит?

– Это вряд ли, – хмыкнула Лиди, делая большой глоток и тоже потянувшись к тарелке. – Кого сегодня испугаешьсмертью? Кстати, отличный кофе! Откуда?

– Алекс принес.

– А ты, наверное, только этим кофе все дни и питалась. Ты заметно похудела.

Я рассеянно ощупала собственную талию и отмахнулась.

– Тебе показалось. У меня был запас крекеров, я не голодала.

Лиди поперхнулась напитком, но комментировать мою фразу не стала. Вместо этого серьезно спросила:

– Почему ты вдруг исчезла?

Я бездумно заскользила указательным пальцем по столу, выводя непонятные узоры– некстати вспомнился тот символ из цинфийского алфавита, который получался у меня хуже других. Алекс не говорил, что моя поездка– тайна за семью печатями, но я и сама понимала: о ней не стоилоболтать попусту. Впрочем, Лиди – моя подруга, и я знаю ее уже десять лет…

Как же я не люблю делать выбор! Никогда не могу просчитать все вероятные последствия.

– Готовлюсь к небольшому путешествию, –наконец уклончиво ответили я.

– Куда? – удивилась Лиди. Ее брови испуганно взлетели вверх. – Майя, ты тоже бежишь с планеты?

– Что значит, «тоже»? – мгновенно насторожилась я.

– Макс подался в бега, – после паузы негромко призналась она. – Приходил вчера попрощаться. Сказал, что не хочет быть рабом на рудниках. Я не знаю, куда он отправился.

– Какой ужас… – я обхватила холодную ладошку подруги и сжала ее. – Почему ты не поехала вместе с ним?

–У меня тут родители… Я не могу их бросить.

Лиди быстро опустила взгляд, но я успела заметить блеск ее мокрых глаз. Ее ладошка осторожно освободилась от моей, словно вежливо отвергая всякую жалость.

Я растерянно смотрела на молчавшую подругу. В памяти всплыло ее лицо, не такое, каким я видела его сейчас –

замкнутым, хмурым, почти жестким, а счастливым, словно изнутри озаренным светом – такое волшебное действие оказывало на него присутствие Макса.

Я вспомнила, что она почти всегда смеялась в его присутствии. Макс не обладал каким-то феерическим чувством юмора, ей просто было с ним хорошо.

Они уже год считались женихом и невестой, но из-за санкций свадьба все время откладывалась, а теперь и вовсе сорвалась.

– Я понимаю, почему он решился на побег. Я сама бы поступила также. Он достоин большего, гораздо большего, чем… чем…

Лиди сделала судорожный вдох, голос изменил ей и явственно дрогнул.

– Тебе надо было бежать с ним, – тихо сказала я, но та затрясла головой.

– И оставить родителей? Нет, я – все, что у них есть. Только из-за меня они еще пытаются бороться. Сбежать с Максом – все равно что собственноручно выбить эпитафию на их надгробии.

– Они бы поняли…

– Ты бы бросила Алекса? – Лиди смотрела прямо, в ее лице читался вызов, и я, помедлив, покачала головой.

Окажись я на ее месте, поступила бы также, но легче от этого не становилось.

– Я буду скучать по нему, – едва слышно проговорила,

почти выдавила из себяЛиди. – Знаю, что никогда больше не увижу его, но каждый день буду встречать мыслью о нем.

Я потянулась к кружке, слепо ее нащупала и пригубила кофе, чтобы сглотнуть ком в горле. Мне хотелось сказать что-то утешительное, но любые слова прозвучали бы сейчас банально и фальшиво, поэтому я решилась на ответную откровенность.

– Я улетаю на Цинф.

Лиди подняла на меня расфокусированный взгляд. Пару секунд я терпеливо ждала, когда она поймет смысл моих слов. Ее брови медленно сошлись к переносице, а в глазах вместе с осмысленностью появилась напряженность.

– Зачем?

– Не могу сказать. Это связано с Алексом.

– Навсегда?

– Нет, на какое-то время.

– Вот как… – задумчиво протянулаЛиди и без перехода резко спросила: – Данишевский понимает, во что он тебя втягивает?

–О чем ты?

– Цинфийцы – варвары, спроси любого! – С каждым словом подруга распалялась все больше. Каштановые пряди рассыпались по плечам, а на макушке воинственно затопорщились короткие волоски. – Он совсем головой поехал? Ему политика дороже сестры?

Я была готова к чему-то подобному, поэтому фраза про

то, что Алекс подставляет меня, почти не причинила боли. Я только чуть отклонилась и облокотилась на спинку стула, тем самым увеличивая дистанцию между собой и Лиди.

– Ты видела хотя бы одного цинфийца? – терпеливо спросила я и уточнила: – Вживую.

– Конечно, нет. Им же запрещен въезд на планету эрийцев.

– Правильно, а нам запрещено покидать ее, – кивнула я. – Так как же мы можем судить о том, варвары цинфийцы или нет?

Лиди молча открыла и закрыла рот. Растерянно протарабанила пальцами мотив какой-то популярной песенки и неуверенно возразила:

– Но ведь об этом все говорят. Ладно бы только эрийцы придерживались такого мнения (им давно веры нет), но ведь хвараны и карры тоже так считают…

Тут мне было сложно возразить, но, все же, тщательно подбирая слова и обдумывая их на ходу, я попробовала.

– И первые, и вторые давно сотрудничают с эрийцами. У них тесная торговля и налаженные культурные связи. При этом и те, и другие считают землян кем-то вроде домашних питомцев. Тебя это не настораживает?

– Сами они… Насекомые, – мрачно буркнула Лиди.

Хвараны и карры действительно напоминали огромных разумных насекомых. Возможно, из-за внутреннего неприятия их внешнего вида у землян с ними сложились весьма

прохладные отношения.

– Иногда мне кажется, что человечество обречено на одиночество, несмотря на наличие других рас на планетах, – немного не к месту проговорила Лиди.

Я вздрогнула от этих слов, понимая, какой подтекст за ними скрывается, и вскинула на нее глаза. Она сидела, уставившись в опустевшую кружку, словно пытаясь что-то в ней рассмотреть, и напряженно кусала губы.

– Эй, Лиди… – мягко позвала я.

– А одному быть нельзя. В одиночестве лишь слабость, понимаешь? – торопливо, как будто я могла заставить ее замолчать, проговорила она.

– Я понимаю, – тихо согласилась я.

Встав, я обошла стол и, застыв возле Лиди, несмело раскрыла объятия. Та не спорила. Уткнулась мне в плечо и неожиданно разревелась.

– Он вернется, вот увидишь, обязательно вернется. Макс не бросит тебя.

– Ты знаешь, что нет. Теперь он вне закона, и если его поймают, то отправят в тюрьму как преступника. Майя, как преступника!

Я не умела утешать. Большую часть жизни я прожила одна, а из детства помнила только, как мама гладила меня по голове, когда я плакала, разбив коленки. Моя рука неуверенно взметнулась к волосам Лиди, и я провела по ним, как когда-то делала мама. Лиди всхлипнула сильнее и понесла со-

всем уж бред:

– Помнишь, в тюрьмах на Земле самой строгой мерой наказания считалась одиночная камера, где нельзя было заняться ничем иным, как размышлениями? Так вот, Майя, планета эрийцев – это наша одиночная камера!

В ответ я забормотала что-то оптимистично-бессмысленное, сама до конца не понимая, что же говорю. Неожиданно Лиди отстранилась от меня и подняла заплаканное лицо.

– Они совместимы с нами?

– Что? – я не сразу разобрала сиплый шепот Лиди и ответила с опозданием. – Да, ДНК почти тождественен земному.

– Тогда оставайся там. Присмотрись к ним. Найди свою любовь и будь счастлива.

– С варваром? – мягко вернулаее же собственное определение цинфийцев.

– Так даже лучше. Варвар лучше других сможет защитить свою женщину.

Я бы рассмеялась, но побоялась обидеть Лиди. Вместо этогохитро прищурилась, пихнула ее в плечо и деловито уточнила:

– То естья так плоха, что ни один землянин на меня не клюнет? Остаются только цинфийцы?

Лиди усмехнулась и поддержала игру.

– Кто же по добройволе породнится с Алексом Данишевским? Нет, Майя, послушай мой совет – выходи замуж за цинфийца. А мужа знакомь с братом на самой свадьбе.

– А лучше после? – понимающе фыркнула я.

– Это был бы идеальный вариант, – одобрилаона, и мы обе с облегчением рассмеялись.

Больше к теме политики и моего путешествия мы не возвращались. Просидели до вечера и проболтали ни о чем, а после Лиди ушла, не забыв стрясти с меня обещание звонить ей каждый день или хотя бы через день.

Я была полна решимости выполнить нашу с ней договоренность.

Братец меня убьет.

Глава 2

Алекс навестил меня ровно неделю спустя после нашего разговора. Знай я его чуть хуже, и у меня непременно бы возникло подозрение, что все это время он простоял под дверью моей квартиры с секундомером в руке – его пунктуальное появление минута в минутуневольно наводило на такие мысли, но я хорошо знала повадки братца: с любовью к театральным эффектам он успешно боролся.

Так что вряд ли он томился за порогом дольше семи минут – именнотакой срок он отводил на случай непредвиденных ситуаций, способных привести к опозданию.

– Добрый вечер, Майя, – дружелюбно поздоровался он и, разувшись, прошел в комнату. Пальто при этом так и не снял.

Остановившись в паре шагов от меня, Алекс нетерпеливо поднял бровь, и я со вздохом освободила кресло, куда он тут же довольно уселся. Я уже говорила, что легче принять привычки брата как данность, чем пытаться найти в них логику?

В частности, я замечала, что Алекс никогда не садился на незастеленную постель. Врожденная брезгливость? Правила этикета, впитанные с молоком матери? Честно говоря, никогда в это не вникала.

Переместившись на кровать, я сложила ноги по-турецки и насуплено предупредила:

– Кофе закончился.

– В этот раз обойдемся без реверансов, – легко согласился Алекс. – Протокол надо изредка обновлять.

Пока я растерянно осмысливала, что наши встречи подчинены какому-то протоколу, он невозмутимо продолжил:

– Как прошла подготовка к заданию? Вопросы появились?

Ага, значит, поездка на Цинф позиционируется именно как задание. Мог бы хоть немного завуалировать свое отношение к происходящему.

Впрочем, это же Алекс! Он свято убежден, что выполняет важнейшую миссию, а все остальные должны исполнять роль винтиков в хорошо отлаженном механизме.

Я вздохнула и постаралась отмахнуться от неприятных мыслей. Ощущение, что меня собирались использовать как пешку в чужой политической игре, лишь обострилось.

– Мой уровень цинфийского не позволит свободно общаться с носителями языка. Мне понадобится помощник.

– Конечно, – легко согласился Алекс. – Я уже позаботился об этом. Как только ты прибудешь на планету, сразу же получишь в свое распоряжение личного переводчика.

С таким равнодушием по моей гордости давно не проходились.

– То есть ты сразу знал, что я не справлюсь? Зачем же просил вспомнить язык?

Алекс недовольно поморщился, будто ему пришлось отлеплять от своего рукава заплаканного, разобиженного ре-

бенка и объяснять тому, что все хорошо. Такое выражение лица возникало каждый раз, когда я задавала неуместные вопросы.

Минуту братец выжидающе молчал, словно надеялся, что я сама озвучу его план, но, не дождавшись, бросил мимолётный взгляд на наручные часы и принялся объяснять то, что,по его мнению, было очевидно.

– Майя, мы не будем просвещать цинфийцев относительно твоих языковых познаний.

– Не будем? – переспросила я, надеясь, что вид при этом у меня не самый глупый.

– Конечно же, нет, – терпеливо повторил Алекс, но уже с едва различимой ноткой раздражения в голосе. Я не могла его винить: наверное, тяжело жить в мире людей, значительно отстающих от тебяв умственном развитии. Мне бы тоже не понравилось общаться с пятилетками на равных. – Твое владение цинфийским – козырь в рукаве, глупо выкладывать его в самом начале игры.

Я задумчиво куснула щеку изнутри. Кажется, я начинала понимать, к чему он клонит…

– Естественно, мы не собираемся скрывать факты твоей биографии или подтасовывать их.

Угу, лучше всех блефует самый честный игрок.

– Если спросят, ты учила язык в университете, но за прошедшие годы успела основательно подзабыть его. Никто не должен догадываться о твоих лингвистических способно-

стях. Кстати, о них: думаю, в языковой среде, ты быстро наверстаешь упущенное. Ты всегда все схватывала на лету.

В другой раз я бы зарделась от похвалы и постаралась запомнить момент, чтобы потом периодически выуживать его из памяти и любоваться своим маленьким триумфом, но сейчас мои мысли были заняты другим.

– Ты хочешь, чтобы я шпионила для тебя? Для этого выдумана сказка о том, что мне угрожает опасность?

– Шпионила… Ты, как всегда, рубишь с плеча.

– Тогда поясни мне, глупой, потомучто для меня это выглядит именно так, – я откровенно злилась и уже не пыталась это скрыть.

– Тебя действительно могут использовать как рычаг давления на меня, это правда, – серьезно добавил Алекс, поймав мой взгляд. – Но также правда и в том, что отправив тебя на Цинф, я хочу убить двух зайцев. Для этого мне нужна твоя помощь.

– Я не буду шпионить!

– Как будто ты сможешь, – хмыкнул Алекс, и я замолчала, почувствовал, что на мне только что поставили клеймо: «проф. непригодна». – Слушай, в наблюдательности тебе не откажешь, а все, что мне нужно – чтобы ты внимательно слушала и анализировала происходящее. Я не прошу тебя никуда лезть специально.

Мрачная, я рассматривалаАлекса и пыталась понять, лжет он в этот раз или говорит правду.

– Ты уверен?

– Знаешь, у тебя, конечно, много недостатков, но живая ты мне в любом случае милее мертвой, – с прямотой, заставившей меня закашляться, проговорил он.

– Спасибо, – хрипловато откликнулась я. – Приятно, что ты меня ценишь.

Кажется, последние слова он воспринял абсолютно серьезно, потому что кивнул без малейшей иронии в глазах.

– Так что не старайся интриговать, все равно это не твое; только подставишься, а мне потом придется тебя вытаскивать. Просто делай то, что умеешь – подмечай детали. И сообщай мне о них.

– Как именно?

– Тебе передадут нетбук. В нем будет только один контакт – мой. На этот адрес будешь каждый вечер присылать отчет. Ничего особенно, обычное перечисление фактов, которые показались тебе любопытными. В случае если таковых не сумеешь выделить, расписывайкаждый свой день как можно подробнее. Я сам проведу анализ.

Склонив голову набок, я сощурилась.

– Два.

– Что «два»?

Довольная, что сумела сбить его с толку, пояснила:

– В нетбуке будет два контакта: твой и Лиди.

– Исключено.

– Жаль. Придется тебе искать другую кандидатуру для

этой поездки.

– Ты же понимаешь весь риск?

Я кивнула.

– Осознаешь мелочность своего шантажа?

Я кивнула уже менее уверенно.

– И все равно настаиваешь?

– Перестань давить, – огрызнулась я. – Я выполняю все твои условия, выполни и ты хотя бы одно мое.

Алекс помолчал, что-то прикидывая. Я пожалела, что не могу заглянуть к нему в черепушку. Наверняка там сейчас цифры кружатся в заводной кадрили – процесс просчитывания вероятностей я представляла себе именно так.

– Хорошо, – наконец решил он и с великодушием, которого я от него не ожидала, спросил: – Что-то еще?

– Переводчик, – быстро вставила я. – Если это возможно… Пусть это будет кто-нибудь помоложе. Не хочу, чтобы за мной, как цепной пес, ходила какая-нибудь грымза.

– Неплохой ход, – в глазах Алексах мелькнуло одобрение. – Чем моложе будет кандидат, тем меньше у него будет опыта в слежке и наблюдении за объектом. Тем легчебудет им манипулировать, в случае необходимости.

Я молча открыла и закрыла рот. С этой стороны я проблему даже не рассматривала. Мне просто было бы некомфортно под присмотром суровой пожилойдамы, вечно поджимающей губы при виде моих ошибок – именно такой я представляла себе переводчицу.

Поправлять Алекса я не стала. Вместо этого напомнила:

– Инструкция весьма расплывчатая.

– Так и есть. Тебе придется ориентироваться в ситуации самостоятельно. Первоочередная задача – вызвать интерес к своей персоне. Не забывай, что цинфийцы не прощают ошибок. Малейший ляп, и живейшее любопытство обернется игнором.А значит…

– Значит, основная часть плана коту под хвост, – понятливопродолжила я.

– Да. Запомни: главное – удержаться на волне популярности. Стань их кумиром. Пока они любят тебя, ты в безопасности. Ни один эриецне пробьется сквозь это плотное кольцо фанатов. Понятно?

– Да.

– Еще вопросы?

Я запаниковала, потому что Алекс явно собирался уходить, а мне еще столько всего было не ясно… В голове смерчем пронеслась сотня вопросов, и я наугад вытащила один из них:

– Почему у эрийцев такие напряженные отношения с цинфийцами?

Алекс откинулся на спинку кресла, поставил локти на подлокотники и сложил пальцы домиком, задумчиво постукивая ими друг о друга.

– Их конфликт начался задолго до нашего появления, – после паузы ответил он. – Все началось с конкуренции в тор-

говле с каррами, а затем усугубилось обоюдным непониманием.

– Эрийцы – мирная нация…

– Мирная, – фыркнул Алекс.

– Они спасли землян, хотя могли не вмешиваться, – напомнила я.

– Все мы совершаем ошибки, – насмешливо прокомментировал Алекс, и я напряглась.

– Что ты имеешь в виду?

– Не спрашивай, если не готовапринять ответ.

– Алекс…

Я замолчала, потому что в этот момент заметила в его руках монетку. То появляясь, то исчезая в его пальцах, она притягивала мой взгляд.

– За два года до катастрофы мы обнаружили, что не одни в космосе.

Я хотела сказать, что не нуждаюсь в исторической справке, но не стала. Алекс выглядел напряженным. Таким я редко его видела – настоящим.

– Помимо контакта с эрийцами, прошедшего в атмосфере полнейшего взаимопонимания (о чем мгновенно раструбила пресса), произошло знакомство с еще одной расой. Я говорю о цинфийцах.

Я не отводила глаз от лица Алекса. Его щека чуть дернулась – пробежала тень то ли улыбки, то ли ухмылки, не поймешь.

– Результаты этой встречи были настолько противоречивы, что решено было молчать об этом до принятия окончательного решения.

– Какого решения? – голос внезапно сел, вопрос больше походил на мяуканье кошки, но Алекс понял меня.

– Решения касательно статуса цинфийцев. Мы никак не могли определиться, враги они нам или друзья. Видишь ли, Майя, две трети участвующей в первом контакте группы в панике и тревоге кричало, что эта нация опасна и требует немедленного если не устранения, то игнора. Оставшаяся часть исследователей, среди которых был, к слову,и наш отец, опровергала это мнение и требовала время для анализа данных. Интересно, правда?

Я облизнула пересохшие губы. По-моему, все это звучало пугающе, но информация об отце заставила вытеснить страх из головы.

– Почему отец считал иначе?

– Потому что он умел отключать эмоции, – жестко проговорил Алекс. – Он не успел довести до конца свое исследование; мне пришлось самостоятельно копаться в этом вопросе. Я обнаружил весьма занятную вещь – ДНК цинфийцев тождественен нашему на девяносто девять и восемь десятых процента. К слову, у современного человека больше общего с цинфийцем, чем, например, с неандертальцем.

Монетка в руках Алекса засверкала с еще большой скоростью, но я уже не обращала на нее внимания.

– У цинфийцев есть рецессивный ген, проявляющийся исключительно у мужчин. Когда-то планета кишелахищниками, и, видимо, наличие этого признака позволяло отпугивать некоторых из них.

– Что за ген?

– У него пока нет имени. Как думаешь, назвать его «Данишевский» – это слишком?

– Прекрати позерничать, – потребовалая.

– Ладно, – пожал плечами Алекс. Монетка исчезла из его пальцев, а сам он весь как будто подобрался. –Этот ген дает способность воздействовать на чужое обоняние. Хищник воспринимает запах как сигнал опасности и предпочитает ретироваться. Думаю, такова и была задумка природы. С другими расами похожая история. Мы не ощущаем какого-то явного аромата, но в отдел головного мозга поступает информация об опасности. Появляется раздражение, нервозность, иногда даже паника и страх. Итог один – собеседник кажется нам врагом, мы ищем второе дно в его словах и поступках. Вот почему наши переговоры с цинфийцами были сорваны. Группа оказалась просто не готова к такому давлению.

– Эрийцы тоже восприимчивы к этому гену?

– Да. А вот хвараны и карры – не уверен. Не было возможности провести нужные исследования.

Я подавленно замолчала.

– Не волнуйся. Я провел анализ твоей крови. У тебя, как

и у нашего отца, иммунитет к действию этого гена –еще одна причина, по которой лететь должна именно ты.

– А у тебя… – я ошарашенно уставилась на Алекса, даже не спросив, когда именно он успел провести нужные манипуляции с моей кровью. Вопросом о том, как именно он ее раздобыл, я даже не задавалась.

– У меня его нет, – совершенно невозмутимо продолжил он. – Я могу быть пристрастен при оценке действий цинфийцев.

Я запаниковала. Мое внезапное путешествие все больше напоминало миссию по спасению мира.

– Прекрати, – закатил глаза Алекс, внимательно наблюдавший за моим лицом. – Майя, ты – часть плана. Конечно, не спорю, важная его часть, но не бери на себя слишком многого.

Я отчетливо представила, как Алекс в своей голове заботливо разложил кучкупаззлов. Один из них, не самый большой, носил имя «Майя», на остальных стояли знаки вопроса. Наверняка Алекс долго крутил паззлы в руках, прежде чем найти идеальную комбинацию…

Вместо того чтобы расстроиться, я вдруг успокоилась. Миссия по спасению мира – дело Алекса, не мое.

– В общем, твоя задача – остаться в живых. Все остальное – сопутствующие элементы игры, которые могут меняться, – подытожил Алекс и резко поднялся с кресла.

– Ты уходишь?

– У меня еще много дел. А тебе нужно лечь спать.

– В восемь вечера?!

– Как хочешь, можешь бодрствовать. Без пятнадцати три за тобой заедет машина, она отвезет тебя на космодром. Там уже будет ждать мой пилот – на Цинф полетишь с ним.

– А…

– Ничего с собой не бери. Все необходимое найдешь на корабле.Гардероб должен соответствовать легенде.

– Легенде?

– Легенде об эксцентричной писательнице-землянке. Майя, ты замечала, что твоя умственная активность каждый раз резко замедляется в момент нашего прощания?

Я проигнорировала это высказывание, но в жар меня бросило.

– Я покидаю Эрию без разрешения властей?

– Конечно. Так что не проявляй инициативы и во всем слушайся моих помощников.

– Разве цинфийцы не строгие почитатели правил? Как они отнесутся к беглянке, нарушившей закон?

– Ты же не их закон нарушила, – пожал плечами Алекс и принялся обуваться. – К чужому правосудию цинфийцы относятся с любопытством, но без трепета. Так что на отношение к тебе это не повлияет. Разве что придаст остроты твоему образу.

Алекс выпрямился, и я растерянно посмотрела на него. Мы расстаемся на неизвестный срок. Наверное, мне стоило

обнять его?

Видимо, братца терзали те же сомнения. Он неуверенно распахнул руки, словно хотел объять необъятное, и неловко обнял меня, похлопав по спине.

– Ты справишься, Майя. Ты не так глупа, как надеешься.

– Я тоже буду скучать, Алекс, – пробормотала я, уткнувшись в плечо брату. За эти годы, что знаю его, поняла одно: главное слушать то, что он говорит не головой, а сердцем. Зачастую это единственный способ понять его правильно.

Алекс отстранился, кивнул мне на прощание и молча вышел за дверь. А я осталась стоять в коридоре, растерянная, подавленная, но преисполненная надежды, истоки которой я не могла определить. Это смутное ощущение походило на то, что появлялось у меня в далеком детстве, когда зима на Земле сменялась весной – неясное предчувствие чего-то светлого впереди.

***

Я ожидала приключений в духе классического шпионского детектива, когда в дверь твоей квартиры после условного стука проникает таинственный незнакомец в кожаном плаще и широкополой шляпе, тенью падающей на лицо, и лихо организовывает твой побег. Взбудораженная нервная система (и пять кружек крепкого черного чая подряд) не позволяли уснуть, и я вновь и вновь прокручивала варианты того, как это будет.

Чем ближе стрелки часов подкрадывались к трем утра,

тем меньше я боялась возможной погони, пальбы из бластеров и побега через крышу с последующим запрыгиванием в кабину вертолета.

Перед глазами то появлялись, то исчезали такие яркие картинки, что адреналин шумел в крови, заставляя сердце отсчитывать удары в ускоренном темпе. В какой-то момент, не выдержав зудящего чувствав голове, я потянулась к нетбуку с намерением схематично набросать собственные фантазии – мало ли, вдруг потом пригодится для какой-нибудь книги, но скрежет ключа меня остановил.

Раздался негромкий скрип входной двери (видимо, энтузиазм и сила кулаков Лиди не прошли для нее даром), и в прихожую шагнул высокий субтильный парень с таким непримечательным лицом, что я не запомнила бы его при всем желании. Никакого плаща, естественно, на нем не было. Обычный повседневный костюм, слегка не сочетающийся с кедами на ногах, что полностью соответствовало современной молодежной моде.

– Готова? – немногословно поинтересовался он.

Я кивнула и легко встала с кресла, на котором сидела, поджав под себя ноги. Помня слова Алекса, я ничего не стала собирать в дорогу и теперь чувствовала себя голой: даже невозмутимо перекинуть сумку через плечо, а затем незаметно вцепиться в ее ремешок не могу. Разве что спрятать руки в карманы легкого пальто.

– Свет не выключай. Слежки нет, но лучше подстрахо-

ваться.

Я снова понятливо кивнула – боялась, что голос подведет, и я издам что-нибудь похожее на писк – и последовала за своим провожатым.

Ладони в карманах вспотели, но переживала, как оказалось, я совершенно зря. Жизнь лишена причудливой фантазии авторов книг, а потому большая часть моих то ли кошмаров, то ли мечтаний осталась лишь забавным и немного постыдным воспоминанием.

Мы действительно вышли через черный вход, ведущий сразу в темные дворы, а не на шумную проезжую часть, но, пожалуй, это было единственное совпадение. Никаких перебежек украдкой, пряток за ближайшими столбами и переговоров по рации. Мы спокойно добрались до припаркованнойв паре десятковшагов машины, мне учтиво открыли заднюю дверь и не очень деликатно захлопнули ее, прищемив полы пальто; после чего водитель, бросивший на меня взгляд через зеркало заднего вида, неохотно поздоровался и плавно тронулся с места. Я даже успела махнуть рукой парню в костюме и кедах – своему провожатому. Тот насмешливо коснулся пальцами виска, словно отдал честь.

Город без пробок показался каким-то опустевшим и почему-то игрушечным, так что до космодрома мы доехали быстро. Там нас уже ждали.

Водитель с раздражающим равнодушием передал меня с рук на руки помощнику пилота. Я все ждала, что кто-нибудь

из них запросит ведомость доставки и потребует расписаться там, где галочка, но, к счастью, этого не случилось – моя гордость была частично спасена.

Поднимаясь по ступенькам трапа, я пыталась сконцентрироваться на эмоциях и почувствовать хоть что-то. Впервые за семнадцать лет я поднимаюсь на космический корабль и совсем скоро покину эту планету. Я ожидала трепета, восторга, возможно, легкого ужаса, но ничего такого не было. Ступеньки как ступеньки, корабль как корабль – в фильмах часто показывали внутреннее убранство таких летательных средств, так что удивляться и испытывать трепет не получалось – слишком буднично все выглядело. Даже темнота за окном не способствовала появлению романтического настроения.

Я разочарованно вздохнула. Ладно, засяду за шпионский роман, опишу все совсем иначе.

– Майя Данишевская? – поинтересовалась женщина средних лет с прилизанным пучком на макушке. Спрашивала она явно для порядка, а может, из вежливости, потому что ее блекло-серые, как будто выцветшие, глаза уже просканировали мое лицо. Видимо, я была похожа на собственные фото или что там ей предоставил Алекс, потому что она осталась довольна результатом сверки.

– Да.

– Элеонора Фис. Я ваш помощник на времяэтого полета. Если что-то понадобится – обращайтесь.

Голос звучал четко и по-военному сухо. Я невольно выпрямила спину и подстроилась под ее интонации.

– Сколько времени займет дорога?

– Двадцать часов сорок три минуты. За два часа до прибытия я проведу инструктаж.

Я едва удержалась от того, чтобы по-гвардейскищелкнуть каблуками. Остановило лишь отсутствие таковых. Сегодня я тоже была в кедах, единственных в моем гардеробе.

– Пожалуйста, займите место в своей каюте. Мы готовимся к взлету.

Что ж, каюта – это отлично. Будет где спрятаться и отдохнуть.

Вытянувшись на узкой кровати в небольшой, похожей на пенал комнате, я предусмотрительно пристегнулась ремнями, хотя современные правила безопасности этого вовсе не требовали. Прислушиваясь к усиливавшемуся реву мотора – мы набирали скорость перед гипер-прыжком– я зажмурилась, а спустя мгновение расслабилась, амебой растекаясь по жесткому матрасу. Возможно, я зря так переживала? Корабль даже не досмотрели, хотя обычно проверяющие разве что не обнюхивали каждую щель. Видимо, Алекс с кем-то договорился на этот счет. Интересно, пилот – землянин или эриец? Впрочем, неважно. Главное, что все прошло гладко. Если и на Цинфе все будет так же легко, как сейчас, то я, возможно, даже получу удовольствие от поездки.

Улыбнувшись, я скосила глаза чуть вправо и тут же по-

мрачнела. На прикроватной тумбочке, ехидно поблескивая черной лаковой поверхностью, лежал новенький нетбук как невинное напоминание того, что иллюзии – это, конечно, полезная штука, имеющая право на существование, но увлекаться ею не стоит. Вздохнув, я натянула одеяло до макушки и твердо решила поспать хотя бы пару часов. Была уверена, что не смогу вырубиться, но сказалась нервотрепка – почти сразу я провалилась в густую, дружелюбно распахнувшую свои объятия темноту.

***

Время в полете пронеслось незаметно. Я обнаружила в каюте встроенный душ и небольшой холодильник с бутылками минеральной воды и сухим пайком. Никакого кофе, чая или сладостей – все по-военному лаконично и продуманно.

Большую часть времени я спала или читала. В нетбуке, помимо двух контактов, обнаружилась неплохая подборка электронных книг на цинфийском. Алекс, как всегда, проявлял заботу, не забывая о деле. Со скукой мне было предложено бороться посредством изучения языка и погружения в местный менталитет. Признаться, я не имела ничего против.

Краем сознания я отметила ярлык на рабочем столедля выхода в глобальную сеть. Значит, оказавшись на чужой планете, я не буду оторвана от мира. Смогу читать новости, как эрийские, так и цинфийские, наблюдать за развитием событий и отслеживать реакцию жителей на собственную персону. Неизвестно откуда взявшийся азарт постепенно вытес-

нил обуревавший меня страх.

И все же, когда в иллюминаторе появились нечеткие очертания Цинфа, я занервничала. Корабль снизил скорость: мы входили в частное космическое пространство чужой планеты, где любые гипер-скачки были под запретом.

Затаив дыхание, я положила руку на стекло округлого оконца и с жадностью рассматривала голубоватую дымку, окутывающую планету, как туман, заботливо стелящийся у реки. Отсюда Цинф выглядел величественно и прекрасно: темно-синие, сверкающие как драгоценность толщи воды расползлись по большей части планеты и острыми гранями впились в коричневато-зеленые островки суши, похожие на зерна для посева, разбросанные неумелым фермером в той хаотичности, что рождает наиболее безумные и чарующие узоры.

– Майя Данишевская, вы готовы?

Я подпрыгнула, как мышь, испуганная криком первокурсницы в женском туалете, и настороженно уставилась на вошедшую без стука Элеонору. Возможно, она и стучала, но я, увлеченная открывшимся зрелищем, могла и не услышать.

– Готова? – переспросила я, надеясь, что голос не прозвучал слишком затравленно. Куда только подевались деловой настрой и проблески азарта?

– На маникюр, укладку и макияж у нас ровно два часа. Я предупреждала вас об этом, – строго напомнила мне она и сухо указала на кресло. – Не отнимайте мое время, его и так

немного.

Я задумалась, был ли это завуалированный намек на то, что со мной придется повозиться, но почти сразу отмахнулась от этой мысли. Меня интересовал более любопытный вопрос.

– Моим…преображением займетесь вы?

– Предпочитаетепопросить о помощи пилота?

– Нет, благодарю, – поспешно отказалась я, силясь уложить в голове образ суровой дамы с профессией стилиста. – В вас я не сомневаюсь – наверняка вы отлично справитесь с управлением корабля, но вот познания пилота в моде вызывают некоторые опасения.

Элеонора чуть приподняла уголки губ, обозначив, что оценила мою попытку пошутить, но разговор не поддержала. Я осторожно опустилась в кресло и с любопытством покосилась на небольшой черный чемоданчик, который она все это время сжимала вруке, а сейчас положила на стол и раскрыла с такой сосредоточенностью, будто перед нами был ящик Пандоры.

– На Цинфе царит культ молодости и красоты. Макияж предпочитают делать максимально натуральный, с эффектом сияющей кожи и чуть влажных губ. Никаких темных оттенков, блесток и нарочитой яркости. Запомнили?

Я кивнула, а Элеонора, расставляя на столе многочисленные баночки, продолжила.

– Сегодня я помогу вам с образом, но в дальнейшем вам

придется справляться с этим самой. – Она окинула меня оценивающим взглядом и, видимо, мой бледный, лишенный макияжа и укладки внешний вид не внушил ей доверия. – В случае если не справитесь самостоятельно, обратитесь к личному помощнику. Помимо синхронного перевода он обязан выполнять ваши просьбы и поручения. Найти стилиста на Цинфе не составит труда.

Я перевела эту бесстрастную ремаркукак «если у вас руки растут не из того места, будьте любезны, не замалчивайте это» и вздохнула. Руки у меня и правда росли не оттуда, откуда хотелось бы.

– Закройте глаза, я нанесу основу.

Я послушно зажмурилась и внимала наставлениям уже вслепую.

– Волосы традиционно считаются символом женственности. Некоторые молодые женщины делают короткие стрижки, проявляя свой бунтарский дух, но в целом это не одобряется. Нам повезло, что вам не придется наращивать волосы. Эта длина вполне подойдет.

У меня не получилось удержаться от колкости:

– Я старалась.

– Если бы старались, родились бы блондинкой, – отбрила Элеонара. – На Цинфе блонд неимоверно популярен.

Я развела руками и опасливо уточнила:

– Вы собираетесь изменить мой цвет волос?

– Нет, это лишнее. У вас он и так светлее, чем у средне-

статистической цинфийки, а значит, будет привлекать внимание в любом случае.

Я с облегчением перевела дыхание. Становиться блондинкой мне совсем не хотелось.

– Откройте глаза, – скомандовала Элеонора, и я, вздрогнув, уставилась в зеркало, где встретилась с собственным уже менее бледным отражением. – Сейчас внимательно следите за моими действиями и запоминайте. Если что-то будет непонятно, спрашивайте.

Я снова кивнула. Теперь казалось, что функция китайского болванчика включена у меня по умолчанию.

Элеонора действовала быстро и уверенно. Погрузившись в новый для себя мир (никогда не увлекалась модой и частенько пренебрегала макияжем, а замысловатым прическам обычнопредпочитала высокий хвост на макушке), я с усердием ученицы-отличницы впитывала знания, разве что язык от усердия не высовывала.

Время пролетело незаметно, и я вздрогнула, когда Элеонора добавила финальный штрих в виде блеска для губ и отошла оценить получившийся результат. Судя по тому, что за все время нашего знакомства улыбнулась она впервые, увиденное ее удовлетворило.

Я перевела взгляд с нее на зеркала. Не могу сказать, что из него смотрела незнакомка, но все же изображение было мне немного чуждо.

Плиссированная прямая жемчужно-пудрового оттенка

юбка в пол, того же цвета лаконичные лодочки на высоком каблуке, просторная шифоновая блуза с ярким орнаментом из птиц, небрежно стянутая на талии тонким изящным ремешком с нарочито-грубой крупнойпряжкой. Переливающаясясеребристой чешуей маленькая сумочка-клатч, лимонно-желтый, вторящий оперению птиц, маникюр и уложенные волнами волосы, перехваченные на макушке широкой лентой – эта девушка сочетала в себе утонченность и какое-то естественное бунтарство, которое еще называют богемностью. Да, в этом образе определенно чувствовался класс.

В последнюю очередь я рассмотрела свое лицо. Освеженное макияжем, оно действительно казалось привлекательнее, чем было на самом деле. Кажется, даже глаза стали как будто ярче и больше.

– Это я оставляю вам, – проговорила Элеонора и подбородком кивнула на чемоданчик, уже снова собранный и закрытый. – Теперь гардероб.

Она подошла к изголовью кровати, быстро нажала какую-то кнопку, и постель плавно поднялась вверх, обнажив под собой пространство для хранения вещей. Два огромных пузатых чемодана канареечного цвета заставили меня с удивлением приподнять бровь. Это все мне?

– Вещи уже упакованы и скомбинированы в образы. Не вздумайте экспериментировать! – строго предупредила она, впервые повысив голос. – Просто развесьте их по вешалкам.

Не перепутайте аксессуары. Они вложены в пакеты с одеждой, так что будьте внимательны.

Я подавила улыбку. В голосе моего стилиста-надзирателя сквозила такая искренняя тревога, будто мне предстояло обезвредить бомбу, поэтому важно было запомнить, какой же проводок надрезать: синий или красный.

– Я постараюсь. Спасибо вам, – от души поблагодарила я.

Возможно, во мне говорил страх нового, но было откровенно жаль расставаться с Элеонорой. Несмотря на внешнюю невозмутимость, в ней чувствовался тщательно скрываемый темперамент. Не знаю, откуда я это взяла, но могла бы поспорить, что не ошибаюсь.

По лицу Элеоноры пробежала едва заметная тень удивления, словно она не ожидала благодарности и теперь была смущена. Поправив пучок на макушке, она неожиданно заметила.

– Птицы, изображенные на вашей блузке, символизируют Цинф. Они называют их ринами.

– Похожи на земных колибри.

– Да, есть немного, – легко, почти благодушно согласилась Элеонора и, посмотрев в иллюминатор, сухо добавила. – Подлетаем. Приготовьтесь к посадке.

Она шагнула к двери и, уже открыв ее, резко обернулась, царапнув пол маленькими, толстыми каблуками офисных туфель.

– Удачи вам, Майя.

– Спасибо, Элеонора.

Она кивнула и вышла из каюты. Я медленно опустилась на кровать и наощупь пристегнулась ремнями безопасности. Корабль едва уловимо тряхнуло – стыковка с платформой прошла успешно.Услышав глуховатый звук, с которым пилотный «штырь» присоединился к посадочной площадке, я нервно сглотнула.

Кажется, началось.

Думала я в этот момент вовсе не о приземлении корабля.

Глава 3

Спускаясь по трапу корабля, я чувствовала себя то ли новоиспеченной Матой Хари, то ли второй Жанной Д`Арк – никак не могла разобраться в противоречивых ощущениях. Меня уже ждали.

Группа из десяти человекцепочкой выстроилась по правую сторону от ступеней съемной лестницы, торжественно заканчивающейся у расстеленной по земле широкой ковровой дорожки изумрудно-зеленного цвета. Почти все встречающие были мужчинами, возраст которыхя затруднялась определить. Надо сказать, и они, затянутые в строгие костюмы мрачных оттенков – черные, серые, темно-коричневые–не стремились помочь мне в решении этой загадки. На фоне такой нарочитой официальности ярким пятном выделялась единственная, неизвестно как затесавшаяся в эту группу девушка.Ее приглушенно коралловый юбочный костюм я использовала как ориентир, пока медленно спускалась вниз – ноги подрагивали, каблуки казались слишком высокими, перед глазами вспыхивали черные круги, сквозь которые, к счастью, я легко различала коралловый маячок.В глубине души я надеялась, что мое неторопливое шествие выглядит величественно, а не испуганно. Во всяком случае, я старалась не судорожно хвататься за перила, а непринужденно скользить по ним ладонью. Лишь ступив на ворсистую

поверхность зеленой дорожки, я успокоилась и едва заметно выдохнула – теперь назад дороги точно нет.

Что ж, будем подстраиваться под новые обстоятельства.

Первой навстречу шагнула та самая девушка. Ее внешний видподходил не чиновнице, а молоденькой секретарше, которая отчаянно стремилась выглядеть серьезной, но при этом не могла избавиться от тяги к ярким цветам. Узкая коралловая юбка обтягивала стройные, немного худосочныеноги и лишь на ладонь прикрывала колени. Легкий белый топсобирался на груди соблазнительными оборками и заканчивалсякокетливым бантом, что, впрочем, не выглядело фривольно, скорее по-девичьи невинно. Возможно, такому эффекту способствовал лаконичный приталенный пиджак того же оттенка, что и юбка. Темно-коричневые волосы были забраны всложную прическу, несколько коротких прядок игриво обрамляли сияющее улыбкой лицо.

Я буквально споткнулась о ее взгляд, преисполненныйвоодушевления, гордостии радости, вспыхивающей сияющими искоркамив чуть расширенных от возбуждения черных глазах. Если первые два чувства я еще могла понять, то последнее вызвало легкую настороженность. Когда кто-то так беспочвенно симпатизирует тебе, это всегда заставляет усомниться в умственных способностях новоиспеченного благожелателя.

Увлекшись рассматриванием девушки, я не сразу заметила роскошный букет живых цветов в ее тонких руках с яр-

ко-алым маникюром, так что красиво принять приветственный презент не получилось. Мне просто сунули его под нос, и пока я пыталась сдержать громкий чих, быстро протараторили:

– Госпожа Майя Данишевская, Цинф приветствует вас! Мы выражаем надежду, что полет прошел без происшествий и оказался не сильно утомительным, – с этими словами девушка приложила к груди правую руку и отвесила низкий поклон. – Меня зовут Айю Вонг, я ваш личный помощник и переводчик.

– Благодарю. Очень приятно, – пробормотала я, расплываясь в теплой, как надеялась, улыбке и лихорадочно размышляя, что делать: протянуть руку для пожатия? поклониться в ответ? проигнорировать незнакомый жест?

Айю не торопилась разгибаться, видимо, ожидая от меня какой-то реакции, так что пришлось соображать быстро и действовать интуитивно.

Я тоже поднесла правую ладонь к груди и приветливо склонила голову. Ниже кланяться не стала – слишком непривычно и раболепно выглядел этот жест, но, похоже, ответ полностью удовлетворил Айю.

Она выпрямилась, прожгла меня восторженным щенячьим взглядом и деловито обернулась к по-прежнему невозмутимой делегации мужчин.

– Госпожа Майя Данишевская, позвольте представить. Араи Тибо – консул дипломатического ведомства по работе

с землянами.

Ко мне шагнул высокий мужчина с едва заметной сединой на висках и улыбчивым, лишенным морщин лицом. Возраст выдавали лишь глаза – оценивающие, обманчиво-спокойные, с хитрецой на самом донышке. Лис, черно-бурый лис.

– Счастлив лицезреть вас на Цинфе, госпожа Майя Данишевская, – с сильным акцентом и немного коверкая слова, проговорил он и протянул мне огромную связку воздушных шаров ярко-лимонногоцвета. Видимо, этот цвет символизировал планету, так же как эта желтая птичка, похожая на колибри.

Я с благодарностью приняла подношение, чувствуя себя именинницей на Дне Рождения: в одной руке зажаты цветы, в другой– связка шаров.

– Ваш всеобщий превосходен, – польстила я новому знакомому.

– Благодарю, – довольно улыбнулся тот, но по едва уловимо мелькнувшей насмешке в глазах я поняла, что о своих познаниях в языке землян он прекрасно осведомлен и иллюзий не питает. И все же мой ответ его удовлетворил. Видимо, я играла в соответствии с местнымиправилами этикета.

Он поклонился, и я отметила, что поклон Айю был значительно ниже. Значит, этот жест связан не только с демонстрацией уважения, но и с обозначением социального положения. Боже, Майя, только не опозорься!

Я вновь склонила голову, на этот раз чуть подавшись вперед плечами. Краем глаза заметила одобрение в улыбке консула и едва удержалась от того, чтобы не смахнуть пот со лба: кажется, пока я все делаю правильно.

– Яно Аоки – глава межрасового политического центра Цинфа, – шустро проинформировала Айю, вставшая по правую руку от меня.

Говорила она быстро, лишь иногда ошибаясь в ударении. Либо она действительно хорошо знала язык, либо долго репетировала речь.

Консул отошел, уступив место новому лицу. Я не успела толком рассмотреть незнакомца – взгляд упал на небольшую квадратную коробочку синего цвета, перевязанную тонкой серебристой лентой. Я уже поняла, что каждый встречающий будет преподносить мне подарок, и теперь судорожно прикидывала: принимать ли их самой или попросить о помощи Айю.

Колебаться времени не было. Уверенно отдала девушке цветы и шары, которые та с готовностью приняла, будто только этого и ждала, и протянула дипломату раскрытые ладони. Я заметила, что подарки они отдают двумя руками, значит, и принимать их стоит так же.

Снова приветственный поклон, мимолетный обмен любезностями и Яно Аоки сменил новый политик.

– Торо Кико – член Верховного Парламента Цинфа.

– Сато Мирра – главный советник премьер-министра.

– Оно Куба– пресс-секретарь кабинета министров.

После пятого или шестого знакомства я перестала запоминать имена, но старалась не упустить из вида должности. Судя по всему, встречала меня если не элита Цинфа, то ее законные представители.

Ох, как же страшно!

Я бы запаниковала, но церемония, больше похожая на ритуал, не позволяла расслабиться: улыбнуться, принять подношение, поклониться, сделать комплимент, передать презент Айю, повернуться к новому дарителю и снова по кругу. Под конец у меня с непривычки разболелась шея, а губы сводило от постоянной улыбки. Я искренне надеялась, что пока она все еще похожа на улыбку, а не на оскал загнанного хищника.

Вспомнив про хищника, невольно подумала об Алексе, и усталость как рукой сняло. Нет, я все вынесу просто ради того, чтобы взглянуть в эти бесстыжие глаза. Тоже мне инструкция, тоже мне информация о планете! Снабдили общими сведениями, а важные детали замолчали.

Или просто не знали их?

– Госпожа Майя Данишевская, сюда, пожалуйста, – Айю, уже успевшая куда-то сгрузить подарки, вежливо указывала рукой дорогу. – Нас ждет пресса.

Удалось не споткнуться на ровном месте – уже достижение. Что ж, я же знала, что мое прибытие будет обставлено с помпой, так стоит ли удивляться?

Вдох-выдох, вдох-выдох…

Мы прошли по взлетной площадке и миновали длинный коридор-трубу. Наверное, со стороны наша процессия выглядела комично: впереди, чуть сбиваясь от быстрого темпа,спешила Айю и подсказывала направление, за ней сосредоточенно цокала каблуками я, по бокам вышагивали два высоких амбала, а за нами – процессия политиков и депутатов.

Остановившись перед полупрозрачными дверьми, Айю окликнула кого-то в толпе, и мальчик-посыльный, тащивший мои чемоданы, услужливо протянул мне забранные ранее цветы и шары.

– Нет-нет, – взволнованно шепнула она, заметив, что я тянусь за шарами левой рукой. – Наоборот.

Она сама вложила мне связку шаров в правую ладонь, а в левую – букет цветов, который пришлось прижать к груди – по тяжести он был сопоставим с хорошим булыжником.

Уже ничему не удивляясь, я тихо поблагодарила и обернулась к дверям. Те разъехались в стороны, и я смело шагнула вперед.

Первая вспышка ослепила, но вторую я уже встретила с улыбкой. В огромном зале, предшествующем зоне таможенного контроля, шумело и волновалось людское море – толпа журналистов, репортеров и просто любопытных зевак оживилась. Послышались щелчки камер, крики, просьбы посмотреть направо и налево, плохо различимые в гвалте во-

просы и приглушенные вопли возмущения – видимо, кого-то в порыве воодушевления если не затоптали, то существенно помяли.

Стараясь выглядеть приветливой и улыбаясь с таким рвением, будто от этого зависела моя жизнь, я, следуя негромким подсказкам Айю, осторожно пробиралась сквозьобступившую меня толпу. К счастью, за руки не хватали и оторвать на памятьфрагмент землянки не пытались. Возможно, проявлению вежливости способствовало присутствие охраны – все те же два высоких,мускулистых парня невозмутимо вышагивали рядом и изредка разводили руками, обозначая мое личное пространство и отпугивая смелых зевак и настойчивых журналистов своим хмурым, полным грозного обещания взглядом.

Я остановилась лишь раз, уже перед самым выходом в город. Обернулась, приподняв руку с зажатыми в ней шарами, и замерла, дожидаясь пока фотографы сделают снимки. Ракурс я выбрала удачный – вполоборота, так чтобы улыбка казалась задорнойи немного лукавой.

Толпа радостно взвыла и с удвоенным воодушевлением защелкала камерами. Я выждала немного, а затем, когда в зале установилось некое подобие тишины, с сильным акцентом, намеренно совершая ошибки в произношении, медленно проговорила на цинфийском:

– Благодарю вас за встречу!

На секунду воцарилось мертвое молчание, словно кто-то

резко погасил экран нетбука, транслирующего фильм, а затем раздался такой восторженный писк, переходящий едва ли не в ультразвук, что я испуганно ретировалась в прозрачные двери, с готовностьюразъехавшиеся в стороны.

Улица встретила ослепляющим солнцем, и я зажмурилась от неожиданности. Ведь читала же, что на Цинфе яркое светило, но все равно оказалась не готовой к встретившему меня сухому, теплому лету.

– Госпожа Майя Данишевская, это было великолепно! Вы их покорили! – с упоениемпроизнесла Айю. Кажется, мою маленькую победу она посчитала своей.

Это хорошо, мне нужны союзники.

– Куда теперь? – тихо спросила я.

– Сюда, госпожа Майя Данишевская, – тутже деловито засуетилась Айю, указывая путь, и цыкнула на отставших носильщиков. – Быстрее, бездельники! Госпожа торопится.

Те припустили с такой скоростью, словно им пригрозила не худенькая хрупкая девушка, а палач, поигрывающий секирой.

В сопровождении охраны и нагруженных, как вьючные животные, носильщиков мы вышли к стоянке такси. Одна из машин тут же двинулась нам навстречу.

– Что это? – спросила я, когда она поравнялась с нами. Ее дверцыприветливо распахнулись прямо напротив меня.

– Ваш личный транспорт, – откликнулась Айю. – Он предоставляется на все время вашего пребывания на Цинфе.

– Нет, я не о том, – покачала головой и немного нервно уточнила: – Мы будем… передвигаться по воздуху?

– Госпожа предпочитает наземный транспорт? – Айю выглядела обеспокоенной. В ее голосе сквозила тревога. Наверное, она боялась ошибиться и вызвать мое недовольство.

Не объяснять же, что на Эрии нет летающих автомобилей. Я еще раз покосилась на машину, замершую в паре сантиметров над землей.

– Нет, все в порядке, – наконец проговорила я.

О том, что в техническом развитии цинфийцы, возможно, опережали эрийцев, я решила подумать позже.

Айю с облегчением выдохнула и предупредительно указала на чернеющую полумраком кабину:

– Присаживайтесь, госпожа Майя Данишевская. Охрана поедет в следующей машине.

Я послушно нырнула внутрь, краем уха уловив лаконичные распоряжения насчет моего багажа. У Айю, несмотря на хрупкую внешность, оказалась железная хватка. Командовала она легко и уверенно, будто с рождения привыкла раздавать распоряжения.

Внутрибыло прохладно. Затемненные окна плохо пропускали свет, но глаза быстро привыкли к полумраку. Взгляд почти сразу выхватил стеклянную перегородку – водитель и пассажиры видели друг друга, но не слышали. Любопытный аспект то ли техники безопасности, то ли местного менталитета.

Айю юркнула в кабину, кивнула водителю, и тот неторопливо тронулся с места. Уже спустя пару мгновений он направил машину вертикально вверх, и та абсолютно бесшумно поднялась, вклиниваясь в общий поток.

Я старалась сохранить невозмутимое лицо и не таращиться в окно: было страшно, волнительно и безумно интересно.

– Госпожа Майя Данишевская знает цинфийский язык? – прервала молчание Айю. В ее голосе сквозила неприкрытая грусть. – В моих услугах нет нужды?

– Нет, что ты! – с жаром откликнулась я. – Цинфийский нам преподавали в университете и, признаться, за прошедшие годы я успела основательно подзабыть все то немногое, что знала. Без тебя, Айю, я не справлюсь.

Та зарделась и, смущенно склонив голову, приложила руки к груди.

– Госпожа Майя Данишевская, я хотела поблагодарить за то, что вы выбрали меня из всех претендентов. Несмотря на отсутствие опыта работы, вы предоставили шанс именно мне.

– Ты можешь звать меня просто Майя, – рассеянно заметила я, впервые всматриваясь в лицо своей помощницы. До этого все не было возможности.

Даже при таком плохом освещении я видела, что Айю существенно младше меня. Наверное, лет на семь, если не больше. Совсем еще ребенок.

Алекс знал, кого выбирал.

– Госпожа Майя? – уточнила Айю, непонимающе нахмурив лоб.

– Без госпожи, – пояснила я, раздумывая, как тактичнее задать вопрос.

– Вы хотите, чтобы я перешла на дружеский тон? – немного испуганно, но с нотками странного трепетапредположила она.

Я лихорадочно принялась вспоминать особенности цинфийского общения.

Кажется, если не ошибаюсь, в цинфийском существует три формы языка: официальный, полуофициальный и дружеский. Первый предполагает упоминание статуса и полного имени, второй – только статуса, а третий – лишь имени. Последний допустим при общении с близкими людьми, в противном случае подобная фамильярность означает прямое оскорбление.

Вот эти правила цинфийского Айю и переняла при общении на всеобщем. Думает она по-прежнему на своем языке.

– Да, – осторожно согласилась я, размышляя, не совершаю ли ошибку. – Я бы хотела подружиться с тобой.

Она какое-то время сидела молча и если и выглядела ошарашенной, то первые несколько секунд. Затем на ее миловидном лице появилось задумчивое выражение.

– Хорошо, – наконец проговорила она, – это огромная честь для меня! Однако на людях я по-прежнему буду называть вас госпожой, чтобы избежать неудобных расспросов.

Вы согласны?

Я заметила, что Айю все равно мне «выкает», но решила, что Рим тоже не за один день строился.

– Отличный вариант, – кивнула я и спросила то, что не давала мне покоя. – Сколько тебе лет?

– Двадцать зим, –ответила та и затараторила: – Я быстро учусь и схватываю все на лету. Не волнуйтесь, я буду дежурить возле вас день и ночь, ни на шаг не отойду!

От такой перспективы я закашлялась, а Айю крепко вцепилась мне в руку, чуть повыше локтя, и выжидающе заглянула в глаза, словно испугалась, что я сейчас передумаю и затребую себе более опытного специалиста.

– Нет-нет, все в порядке. Меня устраивает твой возраст, – заверила я. – Просто стало любопытно…

«…насколько цинично Алекс подошел к выбору переводчика», – мысленно закончила я и вздохнула.

Упрекать брата было бессмысленно: он в точности выполнил мою просьбу.

– Понятно, – удивленно проговорила Айю, и было заметно, что ей вовсе не понятно, но она решила не акцентировать на этом внимание. – Вы такая красивая! Я так горда, что работаю с вами!

Я снова закашлялась, ужене столько от неожиданной смены темы, сколько от странного, высказанного с придыханием комплимента. Осторожно освободив локоть от хватки Айю, я незаметно отодвинулась и опасливо осведомилась:

– Ты считаешь меня красивой?

Конечно, вероятность сразу по прилету на чужую планету наткнуться на маньяка весьма мала, но все же…

– Разве можно думать по-другому? – с искренним изумлением откликнулась Айю. – Все были восхищены вашей красотой. Да и как иначе? Светлая кожа, овальное лицо и глаза… Какие яркие, синие глаза! Никогда таких не видела! У всех землян синие глаза?

– М-м-м… Нет, но у моего брата такие же, – пробормотала я, пропуская восторженное оханье мимо ушей.

Как говорила Элеонора? На Цинфе царит культ красоты? Получается, внешняя привлекательностьневероятно важна для них, и я своим видом попала «в тренд»?

– Айю, – осторожно позвала я, прервав ту на полуслове, – в моде… овальная форма лица?

– Да, как у вас, – подтвердила она. – Или круглое, как у меня. Видите?

Она поочередно повернулась левым и правым боком, чтобы я могла оценить результат.

– Разве естественная форма черепа цинфийцев не заострена к подбородку? – прямо спросила я и прикусила язык. Получилось грубо.

– Конечно, но в моде круглые лица, – безмятежно откликнулась она. – Большинство делают операции, чтобы поменять форму. Я тоже сделала, уже давно. Лет шесть назад.

Я застыла, силясь уложить услышанное в голове.

Айю сделала серьезную пластическую операцию в четырнадцать лет. Не по медицинским показаниям, а ради условностей моды.

Мне, выросшей средитолерантныхк внешним недостаткам землян, было сложно принять нечто подобное. Впрочем, выбора не оставалось.

– Выглядит натурально, – выдавила я и с трудом улыбнулась.

– Натурально? – переспросила Айю. Глаза погрустнели, а уголки губ разочарованно опустились вниз.

– То есть красиво! – исправилась я. – Очень-очень красиво!

Она мгновенно просияла и тут же вновь схватила меня за руку.

– Но мне не затмить вашей красоты! Вы словно рина в весеннем саду.

Поэтичное сравнение странным образом настроило меня на деловой лад. Мельком взглянув в окно, я проявила запоздалую заинтересованность касательно собственного графика.

– Айю, какие у нас сегодня планы? Куда мы сейчас направляемся?

– О, сегодня у вас плотное расписание, – довольно откликнулась та и достала наладонник.

Я отметила, что размер устройства существенно меньше и тоньше моего. Техническое превосходство цинфийцев ста-

новилось все очевиднее.

– Через час у вас конференция и встреча с читателями.

– С читателями? – глупо переспрашивать, но не смогла удержаться.

– Да, ваша книга «Снег в июле» произвела фурор. В связи с этим будет небольшое интервью сразу с несколькими телеканалами. Вашим фанатам были обещаны автографы. Вы против?

– Нет, но для начала было бы неплохо привыкнуть к тому, что у меня вообще есть фанаты.

Айю покосилась на меня, словно неуверенная, пошутила я или говорю всерьез. Так и не определившись, как реагировать на мои слова, она облизнула губы и продолжила:

– Затем вас ждет небольшая экскурсия по нашей столице. Ориентировочное время мероприятия – два-три часа. Ожидается присутствие масс-медиа.

Я постаралась вздохнуть не слишком громко. Кажется, получилось.

– Вечером состоится прием в вашу честь, – не отрываясь от наладонника, проинформировала Айю. – В числе приглашенных лиц известные политики. Мероприятие продлится до полуночи.

– Главное – не потерять башмачки на чужой лестнице, – пробормотала я.

– Что?

– Нет, ничего. Просто забавная ассоциация.

Айю с любопытством покосилась на меня, но подробностей выспрашивать не стала. Вместо этого она выглянула в окно и довольно произнесла:

– Вот мы и прилетели. Центр искусства «Аэлла». Здесь состоится пресс-конференция для обсуждения вашей книги.

Мы пошли на снижение, и я тоже с любопытством уставилась в затемненное окно. Внизу сверкало острыми гранями грандиозное по своему масштабу сооружение: огромный лимонно-желтый треугольник, словно ради потехи перевернутыйвверх ногами – узкое основание постепеннорасширялосьи заканчивалось плоской крышей. На ней упитанным ужом вилась посадочная площадка, на которой то и дело вспыхивали золотистые блики, но это не помешало водителю уверенно посадить машину.

Айю вышла первой и предупредительно придержала мне дверь.Я не успела ее поблагодарить –отвлеклась на невысокого мужчину с залысинами на макушке, который одновременно и суетливо кланялся, и раболепно протягивал мне связку воздушных шаров.

– Госпожа Майя Данишевская! Мы так рады видеть вас в нашем центре искусств! От лица всех сотрудников позвольте выразить…

Я умоляюще посмотрела на Айю, делая вид, что не понимаю, о чем говорит мужчина.

– Господин управляющий, – мгновенно откликнулась та и шагнула вперед, отгораживая меня от нашего встречающе-

го, – госпожа благодарит вас за столь теплый прием, но вынуждена напомнить, что встреча с прессой состоится уже через сорок минут.

Я успела заметить, что Айю опустила мое имя, обозначив тем самым наши дружеские отношения, и на управляющего это произвело сильное впечатление: поклон, в котором он снова склонился перед моим переводчиком, в этот раз был почти таким же низким, каким он одарил меня. Моя дружба с Айю поднимала ее статус в глазах общества? Любопытно…

– Конечно-конечно! Прошу вас, идите за мной.

Мы молча двинулись следом, по обе стороны от меня уже грозно нависали два амбала: когда только возникли рядом? Я не видела, чтобы на стоянке парковалась машина с охраной. Впрочем, новая встреча меня увлекла, такчто могла и не обратить внимания на прибытие двух уже почти хороших знакомых.

Управляющий то и дело оборачивался к нам лицом, суетливо тряс подбородком и растопыренной ладонью указывал направление. Мой взгляд выхватил его узкое запястье, обмотанное яркой лентой с устремленными ввысь шарами.

– Айю, – театральным шепотом позвала я. – Разве я не должна принять подарок? Наверное, это невежливо.

День выдался безветренным, но все же здесь, на крыше, ощущалось небольшое дуновение и огромные шары, болтающиеся за спиной управляющего, обретали причудливую, полную укора форму. В этих шарах мне виделась моська со-

бачки, которую расстроенный хозяин тащит домой, сдерживая желания огрызнуться, выкинуть поводок, а то и пнуть мешающую псину.

– Нет, все в порядке. Он значительно ниже вас по социальной лестнице. Принимать из его рук презент вовсе не обязательно.

– Но…

– Он только возгордится, – фыркнула Айю, имея в виду управляющего. – Так что не переживайте, приветственный подарок заберет охрана.

– Понятно, – растерянно протянула я.

Конечно, хотелось поспорить, но я не стала рисковать – в местном этикете я еще не разобралась и боялась совершить досадную ошибку. Действительно, вдруг моя реакция будет истолкована как-то превратно и приведет к негативным последствиям?

Я не знала Айю, не была вполне уверена, можно ли ей доверять, но почему-то чувство, что она не будет вставлять палки в колеса, не покидало меня.

Мы по диагонали пересекли залитую солнечными лучами крышу и ступили в просторный, полностью стеклянный лифт. Его поверхность была вычищена с таким рвением, что казалась прозрачной, арекламные плакаты, расклеенные на стенах,– зависшимив воздухе волшебными картинками.

Я с интересом уставилась на одну из них. На постере симпатичный молодой мужчина со всех ног бежал в гипотетиче-

ски-спасительную даль, на его широкой груди прятала лицо маленькая девочка, за спиной взлетали осколки взорванных домов и складывались у ног беглеца в причудливую вязь названия. «Город в темноте» не без труда разобрала я и уткнулась взглядом в слоган: «Пришло время сорвать маски!»

Я хмыкнула, ни название, ни слоган не вызвали желания ознакомиться с цинфийским кинематографом, но какая-то едва уловимая мысль кольнула меня. Я нахмурилась и склонила голову набок, всматриваясь в плакат.

– Госпожа желает отдохнуть перед встречей. Ее номер готов? – при построении предложения Айю использовала вопросительные конструкции, но повелительные нотки в голосе заставилифразу звучать угрожающе.

Такую искреннюю убежденность в том, что окружающие обязаны относиться к тебе не просто с уважением, а с трепетом, невозможно привить, только впитать вместе с молоком матери.

Кого же ты, Алекс, выбрал мне в помощники?

– Для госпожи Майи Данишевской подготовлен люкс первого класса. Мы счастливы предложить…

– Люкс первого класса? – холодно переспросила Айю, и я навострила ушки. – Я договаривалась с вами о люксе супер класса.

– Видите ли… Произошла небольшая накладка…

– Рико Хаец, вы хотите сказать, что оказались не компетентны?

Айю перешла с уважительного обращения по должности на пренебрежительный тон с упоминанием имени, и я поняла, что пора вмешаться. Выслушивать склоки и делать вид, что не понимаю происходящего, у меня не было ни малейшего желания. К тому же смутная идея испуганной птицей вспорхнула в голове и оформилась окончательно.

– Айю, сегодня здесь будет Дайсаке Акано?

Я беззастенчиво ткнула пальцем в постер, надеясь, что на моем лице читается если не восторг, то хотя бы радостное волнение. Я не могла с уверенностью сказать, что верно прочитала имя актера, но все же сильно исковеркать не должна была. Символы, обозначающие фамилию, напоминали мне какое-то слово, но я не могла вспомнить его значение.

Айю перестала сверлить управляющего разочарованным и как будто обиженным взглядом (так ребенок смотрит на кашу с комочками) и обернуласько мне. На ее лице недовольство мгновенно сменилось живой заинтересованностью. Управляющий тихо выдохнул и полез в карман за носовым платком – с его лба градом катился пот.

– Вы знаете Дайсаке Акано?

Я расплылась в улыбке – имя я прочитала правильно, но Айю истолковала мою реакцию иначе.

– Вы смотрели фильмы с ним?

–Да, – с апломбом заявила я, сама не веря в то, что могу лгать так непринужденно. – Я его фанатка! Особенно мне нравится его последний фильм – «Город в темноте».

– О-о-о! – протянула она. – Вот это да! Дайсаке Акано будет очень приятно, что вы оценили его работу по достоинству. Подумать только: вы смотрели фильм с ним!

Я заметила, что Айю опускает обращение «господин» по отношению к актеру, но при этом в голосе не слышится снисхождения. Черт, какая же запутанная социальная иерархия!

– Я бы хотела сказать ему об этом лично, – мягко улыбнувшись, намекнула я.

Айю замерла, лишь длинные пушистые ресницы затрепетали – впервые видела, чтобы кто-то так быстро моргал.

– Если у вас есть такое желание, то, конечно, мыего выполним, – немного растерянно проговорила она и снова покосилась на рекламный щит, где в самом низу былаприписка, которая и заинтересовала меня. – У него как раз сейчас проходит встреча с фанатами в одном из конференц-залов. До вашего мероприятия еще есть время, можнопосвятить его не отдыху, а знакомству.

– Буду признательна, – довольно кивнула я, пряча за спину вспотевшие ладошки. Я знала, что делала, но было откровенно страшно. Как прыгнуть в прорубь зимой.

Айю задумчиво поправила кокетливый бант на груди и, казалось, этот жест вернул ей деловой настрой. К управляющему она обратилась деловито и сухо:

– Госпожа не нуждается в отдыхе, проблему с люксом можно считать закрытой, но ваш непрофессионализм не остался незамеченным.

Управляющий снова засыпал ее извинениями, и, наверное, этот своеобразный обмен любезностями (равнодушие Айю можно было посчитать колкостью) затянулся бы, но, к счастью, лифт бесшумно остановился. Стеклянные дверцы разъехались, и я первой шагнула на свободу.

Айю тут же оказалась по правую руку от меня и вполголоса подсказала, куда идти дальше. Охрана уже маячила за спиной. Я обернулась и проводила завистливым взглядом отъезжающий лифт с бледным лицом управляющего за прозрачным стеклом. Для него самое страшное было позади, для меня же все только начиналось.

Холл встретил приятной прохладой и кафельным полом, по которому громко зацокали мои каблуки. Этот монотонный звук казался мне пугающим отсчетом перед стартом: пять, четыре, три, два…На счет один мы оказалисьпередвысокими, настежь распахнутыми белыми дверьми. Заглянув внутрь, я присвистнула: длинная, какая-то бесконечная вереница людей извилистой змеей растянулась по просторному залу и замысловатым зигзагом вела в один из углов, где можно было различить небольшой письменный стол и человека, склонившегося над ним.

– Автограф-сессия в самом разгаре, – пояснила Айю. Наверное, вид у меня был растерянный.

– Займем очередь? – неуверенно спросила я, понимая, что произнесла глупость.

Айю хихикнула, кажется, искренне.

– Вы так тонко шутите!

– Да, – пробормотала я, усилием воли расправляя плечи. – У меня своеобразное чувство юмора.

– Подождите здесь. Я сейчас обо всем договорюсь.

Она цыкнула на охрану, как на цепных псов, и те послушно подошли ближе. Я почувствовала себя редкой драгоценностью, которую стерегут два волкодава – непривычное, тревожное ощущение, и чтобы его сбросить, закрутила головой, высматривая в толпе что-нибудь интересное.

Большинство цинфийцев в этой толкучке терпеливо переминались с ноги на ногу и не замечали моего присутствия – они изредка заглядывали за плечо стоящемувпереди соседу и тихо вздыхали. Лишь небольшая группка чуть справа от дверей ожесточенно перешептывалась и не сводила с меня любопытных глаз. Я помахала рукой и улыбнулась – образ приветливой землянки давался мне все легче. Те завертели головой, словно не поверили, что я адресовала этот жест именно им, а затем вспыхнули широкими белоснежными улыбками и принялись одаривать меня быстрыми, почтительными поклонами. Мысленно чертыхнувшись (шея уже начала болеть!), я под равнодушными взглядами охраны тоже склонила голову и приложила руку к груди. Я уже хотела отвернуться, но заметила, что мои новые знакомые так и продолжают кланяться, и тоже снова кивнула. Те пришли в страшный восторг и полезли за фотоаппаратами. Не разгибая спины, они сложили перед собой руки в умоляющем же-

сте. Я растерялась. Они хотят сфотографироваться?

Надеясь, что замешательство не отразилось на лице, я дружелюбно кивнула, соглашаясь, но фотосессию с обезьянкой (со мной) провести не позволили. Появилась запыхавшаяся Айю и нетерпеливо утянула меня за собой. Не отпуская руку моего переводчика, я обернулась и состроила извиняющую моську своим новым знакомым. Их реакциюувидеть не успела – перед моим лицом сомкнулась стена: назвать иначе мощные грудные клетки волкодавов я не могла.

Я думала, придется протолкнуться через толпу, но цинфийцы, завидев моих сопровождающих, расступались, обтекая меня, словно море крупный камень на берегу. На лицах читались восторг, интерес, иногда – испуг, но недовольства или враждебности я не заметила. Учитывая, что я нагло пролезла без очереди к их кумиру, это было даже немного странно. Казалось, они относились ко мне, как к существу другого порядка, на которое не распространяются их законы и правила. Пока я не знала, хорошо это или плохо.

– Госпожа Майя Данишевская, позвольте представить вам Дайсаке Акано. – Мужчина оторвался от очередного автографа, поднял на меня глаза, и я сглотнула. – Он благодарен и польщен за внимание к его работе и выражает надежду…

Голос Айю пробивался будто сквозь вату. Нет, я не расплылась в глупой улыбке и не позволила себе застыть. Думаю, со стороны я выглядела все так же беззаботно, но внутрисловно что-то кольнуло, а затем вспыхнуло яркими крас-

ками.

Дайсаке… Дайсоке? Его нельзя было назвать красивым в полном смысле этого слова, но что-то в его смуглом, немного заостренном лице цепляло и завораживало. Наверное, дело бы в его взгляде – быстром, оценивающем, но спокойном. Так смотрит человек, внутренне собранный и готовый ко всему. Этому нельзя научиться, только приобрести, как правило, в довесок к опыту, о котором хотелосьбы забыть. Я буквально утонула в глубине его карих глаз, на пару оттенков светлее,чем у Айю или охранников. На краю сознания мелькнула ассоциация – у кого-то я уже видела похожий взгляд, но мысль так быстро исчезла, что я не успела ухватить ее за хвост.

В этот момент Дайс (я мысленно называла его именно так) встал и оказался лишь немного ниже среднестатистического эрийца. На каблуках я едва доставала ему до плеча.

Что, Майя, давно не чувствовала себя козявкой?

Дайс вежливо, но без трепета поклонился мне и обратился к Айю:

– Госпожа Майя Данишевская желает получить автограф?

Та мгновенно перевела, и я с готовностью откликнулась:

– Это доставило бы мне огромную радость!

Я чуть приподняла бровь, когда Айю интерпретировала мой ответ немного иначе:

– Да, госпожа пришла за автографом. Пожалуйста, поторопитесь.

Я продолжала улыбаться, но в голове крутился лишь один вопрос: почему она перевела не дословно? Я допустила грубую ошибку? И ведь не спросишь, придется продолжать играть свою роль.

Дайс выхватил одну из многочисленных рекламных листовок, стопками лежащих на столе, и потянулся к ручке:

– Кому именно подписать?

– Лично госпоже, – пояснила Айю, и Дайс удивленно покосился на меня, словно не ожидал подобного.

Его рука быстро и отрывисто забегала по листовке, выписывая не только автограф, но и какое-то дружеское пожелание – вверх ногами не разберешь, а затем двумя руками протянул ее мне.

– Я признателен за ваш интерес, госпожа Майя Данишевская. Знакомство с вами – приятный сюрприз.

Я приняла листовку тоже двумя ладонями и сразу склонила голову, не слушая перевод Айю.

Дайс, заметив этот жест уважения, немного растерялся, но тут же сориентировался и поклонился в ответ.

За спиной раздалось пыхтение – значит, Айю не одобряетмое поведение, но не видит причин вмешиваться. Что ж, я выбрала верное направление. Ох, как же страшно!

Я воскресила в памяти лицо Алекса и приободрилась. Брата бы только позабавили мои колебания. Ладно, назвался груздем, полезай в кузовок…

– Простите, но я бы хотела сфотографироваться на па-

мять. Это возможно? – я обращалась к Айю, но смотрела на Дайса.

В этот раз я сумела вызвать удивлениеу них обоих. Они переглянулись между собой, словно принимая обоюдное решение, а затемслаженно кивнули. Дайс вышел из-за стола и шагнул ко мне, на его губах появилась дежурная улыбка, она не нашла отражение в его глазах, но смягчила черты лица, сделав их по-настоящему привлекательными. Айю достала наладонник и навела его на нас, видимо, в прибор была встроена камера.

Дайс был существенно выше меня, и я нервничала не только потому,что пришло время реализовывать рискованный план, ради которого я и затеяла знакомство с актером, но и потому что не могла отделаться от чувства, будто фотографируюсь с эрийцем – это сбивало с толку.

Скосив глаза, я заметила, что рука Дайса замерла в паре миллиметров над моим плечом, не касаясь его, но создавая иллюзию дружеского объятия. Значит, я правильно истолковала найденные в цинфийской художественной литературе намеки – в обществе действительно царили ханжеские порядки. Физическое проявление симпатии не то, чтобы запрещено, но не приветствовалось. Я подозревала, что такая политика связана с перенаселением планеты, но это уже детали.

Не давая себе времени на раздумья, я уверенно положила ладонь на талию Дайса, приобнимая его с другой сторо-

ны. Он едва уловимо вздрогнул, но не оттолкнул меня, лишь быстро посмотрел, но я не смогла верно истолковать его взгляд– быласлишком занята позированием: тяжело широко улыбаться в камеру, когда внутренне трясешься от страха.

Айю щелкнула фотоаппаратом, а затем медленно опустила наладонник, и я увидела ее растерянное лицо с расширенными от потрясения зрачками.

Надеюсь, я не переборщила.

– Что– то не так? – смущенно спросила я.

–Нет, то есть да, в смысле… – Айю отчаянно пыталась нащупать ускользающую от нее мысль, а возможно искала доступное объяснение для невежественной землянки. Все это время я не отпускала Дайса: прикосновение к нему странным образом успокаивало меня, а тот по какой-то причине не отстранялся от меня. – Объятия на публике – это… не запрещено законом, но… Несколько… Провокационно.

Я мысленно репетировала этот момент еще в лифте, поэтому охнула вполне натурально и убедительно. Испуганно отскочила от Дайса, в ужасе прижала ладонь ко рту, а затем затараторила извинения, не забывая присоединять к ним не очень низкие поклоны.

Параллельно фиксировала реакцию зрителей: сначала стояла мертвая тишина, затем раздались перешептывания, а чуть позже, после демонстрации моего смущения, послышались одобрительные смешки. Если бы я была рыбкой в аквариуме, то меня бы уже облепили восторженные, расплющен-

ные о стекло мордашки детей, умоляющих родителей завести такую.

Я боялась думать, что все получилось. Я все еще балансировала на грани, но, кажется, уже не сорвусь.

Мы с Дайсом отходили все дальше друг от друга, рассыпаясь во взаимных извинениях и поклонах. При этом он не выглядел ни смущенным, ни польщенным – полнейшее спокойствие. Глыба льда, столкнувшаяся с «Титаником», проявила бы больше эмоций, чем он.

– Прос-ти-те, – по слогам, на очень скверном цинфийском проговорила я.

– Приношу свои извинения госпоже Майе Данишевской, – в свою очередь откликнулся он.

Представление затягивалось, но мы, как хорошие актеры-импровизаторы, делали вид, что так и надо. Наконец Айю пришла в себя, спрятала наладонник и вспомнила о своих обязанностях.

Встав за моей спиной, она обратилась сначала к Дайсу, затем к цинфийцам. Кратко извинилась от моего лица и пояснила, что у землян немного иные представления о приличиях. После чего мы быстро покинули зал в сопровождении охраны. Я уходила, не оборачиваясь – спина буквально горела от многочисленных любопытных взглядов.

– Айю, я совершила ошибку? – в лоб спросила я, как только мы оказались в холле.

– Я бы не назвала это ошибкой, – задумчиво протянула

та.– Вы не нарушили закон и не проявили неуважения к нашим традициям. Наоборот, осознав свою оплошность, вы очень мило покраснели и быстро извинились. Мой народ любит извинения…

– Ты считаешь, это было?..– я не закончила фразу, дожидаясь пока Айю найдет свое определение произошедшему.

– Это было экзальтированно, – подытожила она, и я выдохнула с облегчением. – Ваша смелость определенно понравится молодежи. И вызовет снисхождение у взрослого поколения.

Я расслабилась окончательно. Это был рискованный шаг, но только спонтанными, немного бесшабашными поступками я смогу удержать интерес цинфийцев к своей персоне. Об этом говорил Алекс.

– Но, пожалуйста, больше никого не обнимайте! – горячо попросила Айю.

– Не буду, – легко согласилась я.

Повторяться – не в моих правилах. В следующий раз придумаю что-нибудь новенькое.

– Нужно спешить, – взглянув на наладонник, забеспокоилась Айю. – Ваша конференция начнется с минуты на минуту.

Она заспешила, и я тоже ускорилась, опасаясь отстать. В головесозрел вопрос, я наконец-то поняла, на что походили символы фамилии Дайса.

– Айю, фамилия этого актера переводится как «Окаян-

ный»? Забавное совпадение!

– Это не совпадение. Все дети преступников носят такую, – рассеянно пояснила она и буквально втолкнула меня в одну из многочисленных дверей холла. – Если мы опоздаем, папа меня убьет, – пробормотала она уже на цинфийском.

Оказавшись в зале, битком набитом прессой, я на негнущихся ногах прошагала в центр, где на небольшом возвышении, как на сцене, был установлен стол с микрофоном. Видимо, необходимость улыбаться уже отпечаталась на подкорке сознания, потому что я растягивала губы на автомате, не задействуя при этом мозг. В голове же царил полный сумбур. Мысль о том, что я всего несколько минут назад обнимала сына преступника, соседствовала с размышлениями о страхе Айю перед отцом, но времени на раздумья не было.

Первый же журналист буквально выбил почву из-под ног.

– Госпожа Майя Данишевская, как вы считаете, смогут ли цинфийцы в полной мере оценить вашу книгу? Не помешает ливосприятию пресловутая разница менталитета?

Так, Майя, вот здесь осторожно… Вопрос с подвохом.

Я дождалась суфлерского шепота Айю, а затем неторопливо, тщательно подбирая слова, ответила:

– Каждая раса уникальна. Ее неповторимость формируется за счет культуры, традиций, истории и накладывает отпечаток на особенности мышления жителей планеты. Но было бы опрометчиво считать привычную точку зрения единственно верной. Думаю, знакомство с чем-то новым даст не

только толчок к дальнейшему развитию как конкретного человека, так и общества в целом, но и позволит понять, что на самом деле мы, земляне и цинфийцы, не так уж сильно и отличаемся.

Я незаметно выдохнула – речь оказалась длиннее той, что я мысленно набросала.

Несколько минут, необходимых Айю на перевод, стояла напряженная тишина. Уверена, пролети сейчас тонко попискивающийкомар, и на него бы раздраженно зашикали, чтобы не мешал. Я немного расслабилась, самую чуточку, когда зал взорвался, нет, не аплодисментами, а новыми вопросами. К счастью, более предсказуемыми и лишенными политической подоплеки.

– Как вам пришла в голову идея «Снега в июле»?

– Герои имеют реальные прототипы в жизни?

– Верили ли вы в успех этой истории?

– Хотели бы увидеть экранизацию вашей книги?

Я запнулась, рассматривая невысокую, симпатичную девушку в ярко-розовом брючном костюме. Будь я собой, рассмеялась бы сейчас громко и искренне. Возможно, потом методично перечислила бы минусы, неизбежные для авторов, отдавших свое творение на откуп режиссерам. Но я играла роль, а значит, собственное мнение стоит оставить при себе или, при желании, похвастаться им перед братом, который вряд ли окажется впечатлен моей логикой. Я смущенно потупилась и быстро-быстро заморгала, надеясь, что ресницы, на

которые Элеонора потратила не меньше половины флакончика черной туши, сейчас нежно трепещут, размягчая суровые сердца цинфийцев, склонных к созерцанию физической красоты.

– Каждый писатель в тайне мечтает об этом. Моему восторгу не было бы предела, если за осуществление подобного проекта взялся бы цинфийский режиссер. Знаете, я посмотрела несколько фильмов. Глубина мысли и эстетичностьвидеоряда просто поразили меня…

Судя по оживлению, прокатившемуся по залу, я попала не в бровь, а в глаз. Что ж, на планете, порабощенной продуктами масс-медиа, нельзя было ответить иначе.

Я с готовностью перечислила названия нескольких фильмов (подсмотренных на рекламных плакатах все в том же лифте), восхитилась актерской игрой и отметила авторскую задумку теми общими словами, которые используют, когда понятия не имеешь о предметеразговора. Удивительно, но публике пришлась по душе моя «откровенность» – взгляд то и дело выхватывал благосклонные улыбки, а слух нервно улавливал перешептывания, в которых сквозило удовлетворенное урчание сытых хищников.

Я вздрогнула, когда у самого выхода заметила смутно-знакомую фигуру, прислонившуюся спиной к высокой колонне. На лоб Дайса была надвинута кепка с козырьком, поэтому я не смогла понять: хмурится он или улыбается.Скрестив руки на груди и чуть склонив голову набок, он смотрел на

меня, как зритель, заинтересованно наблюдающий за ходом спектакля. Наши глаза встретились, и он кивнул, не то снова приветствуя, не то подбадривая.

Я сбилась с мысли, а потому неудачно ответила на новый провокационный вопрос.

– Как думаете, почему первый контакт землян и цинфийцев провалился?

– Не знаю. Я не имею отношение к политике.

– Но ваш брат, господин Алекс Данишевский, возглавляет оппозицию землян в эрийском парламенте…

К настойчивому журналисту, не думавшему замолкать, уже направилась охрана. Проталкиваясь сквозь ряды, они должны были вот-вот сцапать смельчака. Мощные лапы уже опустились на субтильные плечи говорившего, когда я, сконцентрировавшись, отвернулась от Дайса и выдала что-то похожее на шутливое признание:

– Мне сложно понять, почему наш первый контакт провалился. Мне цинфийцы показались располагающими и… привлекательными…

Покраснеть удалось без труда – достаточно было снова посмотреть в сторону Дайса. Сделала я это искоса, поэтому внимания к молчаливому зрителю в кепке не привлекла.

Публика с восторгом восприняла намек на мой интерес к мужчинам-цинфийцами на некоторое время оставила меня в покое, смакуя собственные эмоции и впечатления.

– Вы – молодец! – шепнула Айю и несильно пожала мне

руку под столом. – Еще парочка вопросов, и начнется автограф-сессия.

Я не застонала вслух по двум причинам: пришлось рассыпаться в восхищенных эпитетах перед журналистом, банально поинтересовавшимся моим мнением касательно погоды Цинфа; на душе появилось странное, тревожащеечувство разочарования и облегчения – широкая спина Дайса отлипла от колонны и, мелькнув, быстро исчезла в дверях. Я моргнула и снова сосредоточилась на своей роли. Главное – дотянуть до окончания пресс-конференции, затем будет проще.

***

Из записей Дайсаке Акано.

Землянка напоминала мне орлицу, попавшую в западню. Такие птицы не будут сидеть в силках, терпеливо дожидаясь охотников. Нет, они издерут тело в кровь, потеряют прекрасное оперение, но порвут сковывающие их сети.

Тем забавнее было наблюдать за орлицей, прикинувшейся вдруг волнистым попугайчиком.

Я не знал, что за игру она затеяла, но легко включился в нее. Можно было смешать все карты и оттолкнуть ее, когда она обняла меня, но я не стал этого делать. Тяжело оттеснить человека, так отчаянно стремящегося добиться своего. В этой ситуации легче бездействовать, чемнеобдуманным поступком подтолкнуть храбреца к пропасти.

А мнебы не хотелось, чтобы землянка разбилась, упав

на острые камни. Она демонстрировала хрупкость и беззащитность, но я видел в ней силу и упорство,изрядно приплавленные испугом. Первые два качества вызывали уважение, а огромные синие глаза с отравой страха на самом донышке – желание помочь.

Я и сам не раз оказывался в ситуации, когда от блефа зависелижизнь и благополучие моих близких. Если в чем-то я и знал толк, так это в качественном блефе. Землянка только делала первые шаги в этом направлении, но она от природы была хорошим игроком. В этом я тоже разбирался.

Помочь коллеге по цеху, начинающему лицедею, что может быть естественнее?

Я лишь усмехнулся, услышав ее дифирамбы цинфийскому кинематографу. Едва ли она вообще имела о нем представление.

То, как легко она ходила во время конференции по самому лезвию бритвы, заставило меня улыбнуться – землянка была умна и очаровательна. И лишь упоминание о ее брате-политике вернуло меня к реальности.

Любопытство – не порок, но иногда цена за него слишком высока.

Я не стал досматривать разыгрывавшийся спектакль до конца, лишь мысленно пожелал его актрисе удачи и незаметно покинул место фарса.

Не думаю, что наши пути пересекутся снова.

Разные миры, как и параллельные прямые, если и сопри-

касаются, нарушая все законы, то лишь на короткое время.

Глава 4

На двадцатом автографе у меня заныла кисть, на пятидесятом – шея, на сто пятом читатели перестали казаться милыми людьми и превратились в моих же убийц, весьма коварных и изобретательных.

Подписывая очередную книгу, я мельком обратила внимание на тираж, указанный на первом листе, и сглотнула.

– Айю, – тихо окликнула я заскучавшую переводчицу, – ты случайно не знаешь количество напечатанных экземпляров моей книги?

– Конечно, знаю, – с уверенностью отличницы отрезала она, разве что руку вверх не вскинула.

От озвученной цифры у меня закружилась голова. В памяти всплыл старый мультик, где Скрудж Макдак купался в собственных деньгах. Кажется, я теперь смогу проделать тот же фокус. А если заменитьзолотые монеты на кофейные зерна, заполнить ими ванну и нырнуть…Голос Айю не сразу сумел выдернуть меня из мечтаний.

– Треть книг сразу же была выкуплена государством и подарена муниципальным библиотекам, чтобы неработающее население смогло ознакомиться с вашим творчеством. Еще треть тут же раскупили, оставшаяся часть пока лежит на полках магазинов, но после сегодняшней пресс-конференции, думаю, и она окажется сметена читателями.

Я блаженно зажмурилась.

– Айю, а кофе у вас тут есть?

– Есть, конечно. Вам принести?

– Да, и побольше, побольше…

Остаток автограф-сессии пронесся быстро и ассоциировался с терпким вкусом правильно сваренного кофе.

Экскурсия по городу осталась в памяти смазанным пятном. Меня провели по основным достопримечательностям столицы, не забыв продемонстрировать достижения в сфере строительства и техники: матовые сферические дома нового поколения, огромные поверхностные и воздушные магистрали, невесомые, как будто зависшие в воздухе мосты, соединяющие один конец города с другим, поражающие своей скоростью машины… В уникальной архитектуре города не хватало только одного – природы. Как будто кто-то взял и вычеркнул ее из списка необходимых для жизни вещей. В ответ на недоумение мне вежливо пояснили, что в городе совершенно нет места для зелени, но за пределами мегаполисов существуют заповедники, и если госпожа желает…

Госпожа желала, но в следующий раз. Голова и так пухла от новых сведений, которые надо было систематизировать и отразить в отчете Алексу. Интерес мой был искренним, я не стеснялась задавать вопросы, наверное, поэтому к концу прогулки чувствовала себя как наполненный до краев кувшин, который в любой момент готов был пойти трещинами. На заявление Айю, что экскурсия завершена, и мы можем

отправиться в отель, я отреагировала с жадным разочарованием и трусливым облегчением – если не я сама, то мои мозги определенно нуждались в кратковременном отдыхе.

Мы приземлились на крыше современного здания модной цилиндрической формы, затем спустились на один этаж ниже и оказались перед массивными, внушающими опаску и уважение дверьми из какого-то местного мега-прочного материала. Я не запомнила названий и деталей, потому что в этот момент мечтала только об одном – поесть!

– Ваш номер, – предупредительно оповестила Айю и провела карточкой по скану на уровне ручки. Двери бесшумно разъехались, и я переступила порог своего нового убежища.

Айю шагнула следом, а охрана осталась в холле.

– В случае если обстановка не отвечает вашим требованиям, она будет немедленно изменена, – успокаивающе проговорила Айю, настороженно наблюдая за моей реакцией.

Я ошарашенно оглянулась. Мысль о смене интерьера казалась кощунственной.

Огромная, просто подавляющая размерами квартира-студия, отделанная в классической бежевой гамме с вкраплением металлика, казалась настоящим райским островом. Высокие стены упирались в прозрачный потолок; можно было рассмотреть летающие в небесах машины и неторопливо ползущие облака. Я представила, какотчетливо отсюда будут видны звезды ночью, и сглотнула. Наверное, только из планетария вид был бы лучше.

– Стекло можно затемнить, – пояснила Айю, напряженно наблюдающая за мной. – Вот так.

Она коснулась какой-то кнопки на приборной панели возле двери, потолок мгновенно будто затвердел и приобрел неброскийсветло-бежевый оттенок.

– Нет, оставь. Мне так больше нравится, – попросила я.

Полностью оборудованная кухня, приятная гостиная, кабинет для работы, плавно перетекающий в спальню. А тут что? Я рывком потянула двери на себя и замерла: ванная комната, выполненная в мраморно-сиреневом цвете, служила воплощением моей девичьей мечты, слишком смутной, чтобы я могла облечь ее в слова.

Под прекрасной мозаикой с морским пейзажемвеличественно мерцала белоснежная ванна округлой формы, на краях которой стояли зажженные свечи и в тщательно продуманном беспорядке были разложены мелкие речные камешки. Чуть дальше я увидела стеклянную душевую кабинку с зазывно сверкающей приборной панелью. Кажется, здесь можно было не только заранее настроить температуру и мощность струи, но и выбрать подходящую по настроению музыку. Я обернулась и уткнулась в собственное отражение – всю противоположную стену занимало зеркало в серебристой оправе. Тут же стоял туалетный столик с многочисленными шкафчиками и мягкой банкеткой. В соседнем углу спрятался шкаф с пушистыми полотенцами, халатами и бесчисленными баночками с шампунями и гелями. Было

там и что-то еще, но я не стала вникать. Так и стояла посреди ванной комнаты, то любуясь живыми цветами на столике, то переводя взгляд на причудливый узор шелковистого, как трава весной, ковра под ногами.

– Обед подан. Если вы голодны… – Айю робко заглянула внутрь. То ли опасалась увидеть разбитые зеркала и уничтоженную в порыве приступа гнева красоту, то ли мое бездыханное от свалившегося на него счастья тело: сложно сказать.

– Отлично. Я проголодалась, – с улыбкой ответила я, взяв себя в руки. На лице Айю тут же отразилось облегчение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.